

Самид Агаев

Правила одиночества

Часть первая

Девушка в шерстяных носках

Осенним днем, у окна городской квартиры стоял сорокалетний мужчина, и смотрел во двор так целеустремленно, словно ждал чего-то. Проследив его взгляд можно было увидеть внизу приземистое одноэтажное здание таинственной бюджетной организации, нагло огородившей часть прилегающей территории железным заборчиком. Слева от нее на возвышенности рябила разноцветьем детская площадка. Справа, поодаль, выступало здание почты, на фронтоне которой, было вывешено шесть огромных цифр. И всюду стояли жилые многоэтажные дома, типовые, но разноцветные, в палитре были цвета; бело-желтый, бело-коричневый, бело-синий и бело-серый, белый цвет выступал везде словно принадлежность, к какому-то строительному братству.

Караев был изрядно сед, выше среднего роста, широк в плечах. Старые, протертые до дыр джинсы, красная футболка с надписью СССР на груди, на босых ногах массажные тапочки. За его спиной

посреди кухни на некрашеном деревянном столе, высилась радующая глаз початая бутылка грузинского коньяка, и разнообразные закуски: сыр, колбаса, масло, икра, буженина. Тяжело вздохнув, он, наконец, видимо не дождавшись откровения, покинул свой пост и сел за стол. Наполнил рюмку, поднес ее ко рту, и остановился, услышав шорох, доносящийся из комнат. Повернул голову, в сторону прихожей. Звук усилился и через пару минут, из бокового дверного проема выплыл женский зад, затянутый в трико синего цвета. Девушка пятилась, наклоняясь вперед, елозя перед собой тряпкой. Выждав пока она приблизится, произнес:

— Послушай, мне неловко есть, в то время как ты моешь пол.

Девушка выпрямилась, повернулась к Караеву, вытянув нижнюю губу, сдула волосы, упавшие на лицо и, проведя запястьем по лбу, неожиданно сложно ответила:

— У нас есть два решения этой проблемы, либо вы перестаете пить, я хотела сказать есть, либо я перестану мыть.

Маша высокая стройная, но, увы, некрасивая девушка, у нее длинные русые волосы, бледная, нездорового вида кожа, светло-серые, почти бесцветные глаза, правильный нос, под которым, заметен пробивающийся светлый пушок,

длиннющие ноги в толстых шерстяных носках и маленькие холмики груди, выпирающие из тесной маечки. Ноги и грудь Караеву нравятся, все остальное нет.

— Действительно, — после паузы сказал он, — что-то я замысловатое выдал, вернее противоречивое, ну ты девушка умная, понимаешь, что это приглашение к столу.

— Догадываюсь, — ответила Маша, — спасибо, только если вы не возражаете, я хотела бы домыть полы. Вы же мне за это платите деньги.

— Полы надо домыть обязательно, — заметил Караев, — и речи быть не может о том, чтобы бросить их в таком виде.

— Спасибо, — девушка нагнулась, продолжила свое занятие.

— Одного не могу понять, — глядя на нее, произнес Караев, — как ты с твоим острым едким и даже не побоюсь этого слова аналитическим умом, решила актрисой стать.

— Я не на актрису учусь, — не прерывая своего занятия, ответила Маша, — я же вам говорила я на экономическом факультете.

— Действительно говорила, вспомнив, согласился Караев. — Это, между прочим, правильное решение, актрисам сейчас нелегко приходится. Снимают, не снимают? Зарплата нищенская. Сейчас время экономистов.

Он замолчал. Задумался. Домработница у него появилась недавно. Машу ему порекомендовала Лена Воронина бывшая сокурсница, с которой у Караева когда-то был длительный роман и на которой все друзья советовали ему жениться, Лена была дочерью тогдашнего замминистра торговли. Друзья завидовали, его будущее виделось им в радужных перспективах. Но Караев скучал по дому, собирался делать карьеру у себя на родине. К тому же мать была против женитьбы на русской девушке, против русских она ничего не имела, но интернациональные браки не одобряла. «Все добро, что я видела в жизни, — говорила она, объясняя свою позицию, — я видела от русских, в трудную минуту всегда они приходили мне на помощь. Но мы разные, в этом все дело». Тем не менее, Караев предложил девушке, поехать с ним в Азербайджан. Лена отказалась наотрез и назвала Караева ненормальным, как можно было поменять Москву на провинциальный город. После этого все как-то очень быстро стало на свои места. Караев действительно уехал на родину, а Лена вышла замуж за другого однокурсника. Причем еще до того, как он уехал. Через несколько лет Воронина развелась, однако однокурсник карьеру действительно сделал. Когда Караев вновь появился в Москве, об этом Лена узнала очень быстро и с тех пор, время от времени пыталась восстановить

статус-кво, окружая Караева заботой и лаской. Заботу Караев еще кое-как принимал, но вот от ласки всячески отнекивался.

— Понимаешь, — заговорил он после долгой паузы, есть такие навязчивые понятия; у нас в школе на уроке труда учитель спрашивал: «Скажите дети, где в СССР находится самое крупное месторождение магнитной руды?», и мы в один голос, довольные отвечали: «В Магнитогорске». «Неверно, — говорил учитель — в Курске. Это знаменитая Курская магнитная аномалия». На следующем уроке он повторял свой вопрос, и мы в один голос вновь отвечали: «В Магнитогорске». Поэтому, как в партийной считалке, — мы говорим партия, подразумеваем Ленин. Говорим театральный вуз, подразумеваем — актеров.

Караев ждал от девушки, какой-нибудь реакции на свои слова, но та продолжала сосредоточенно мыть пол, тогда он поднял рюмку, выпил, закусил по потемкински лимоном, затем встал и вновь подошел к окну.

— Дождь начался, — заметил он, — а мы тут с тобой в неведении.

Маша в это время гремела железным ведром, поэтому не слышала его слов, но Караев не замечая этого, продолжал говорить.

Моя мама была скрупулезным человеком и

всегда сетовала на то, что в редких письмах к ней, я не указывал индекса, из-за этого письма шли очень долго. Но я не писал индекс, потому что никогда не запоминал его. А сейчас помню, потому что смотрю на эти шесть цифр из окна каждый Божий день, они горят перед моими глазами, как небесные письмена, я их вижу, даже когда закрываю глаза и ложусь спать. Правда, письма писать некому, мамы уже нет в живых.

Он обернулся, Маша, закончив с мытьем, вылила грязную воду в унитаз, убрала ведро. Стоя у открытой двери в ванную спросила.

— Можно я приму душ?

Она стояла, чуть наклонив голову набок, со странной усмешкой на устах.

— Конечно, — ответил Караев, в некотором недоумении, — пожалуйста.

— А вы не дадите мне полотенце?

— Там есть.

— Чистое?

Караев принес из комнаты полотенце и протянул Маше. Девушка взяла его и исчезла в ванной. Мужчина некоторое время стоял перед закрытой дверью, слушая шум падающей воды. Затем вслух произнес: «Что бы это значило»? Взялся за дверную ручку, осторожно попытался повернуть, но дверь изнутри была заперта. Тогда он прошел в кухню, наполнил рюмку, подошел к окну,

поставил рюмку на подоконник и, сунув руки в карманы, вновь стал смотреть во двор. Так он стоял до тех пор, пока Маша со словами, — я готова, — не вышла из ванной. Теперь она была в длинном цветастом платье. Караев предложил ей стул, поставил перед ней чистую тарелку.

— Накладывай сама. Пить будешь?

— А у вас пиво есть?

— Я пиво не пью.

— Жалко, — сказала Маша.

— Но пиво у меня есть, — вспомнил Караев, — странно, но есть.

Он встал, открыл холодильник и вытащил оттуда бутылку пива.

— Это в самом деле странно, — улыбаясь, заметила Маша, — прикиньте, я тоже не пью обычно, но, почему-то сейчас захотелось пива. А, ну точно, я на обед приготовила себе спагетти с сыром, а сыра кусок оставался, ни туда, ни сюда, вот я его весь перетерла в спагетти, видать переборщила.

— Однако не исключено, что тебя само пиво позвало, — предположил Караев, — помнишь, как у Кэрролла в «Зазеркалье» на бутылочке было написано «выпей меня».

— Не исключено, — согласилась Маша, — но я материалистка, так что все-таки это спагетти с сыром.

— При старом режиме это называлось макароны по-флотски, — сказал Караев. Он откупорил бутылку и налил в бокал. Сел напротив, потянулся за рюмкой, не обнаружив ее, встал и взял рюмку с подоконника.

— Твое здоровье, — произнес он, и выпил.

— Спасибо, — Маша сделала несколько глотков и слизала оставшуюся на губах пену, — не хотите посмотреть?

— Посмотреть, — удивился Караев, — на что посмотреть.

Маша засмеялась.

— На уборку, в смысле проверки. А вы про что подумали?

— Ни о чем, поэтому и спросил. Спагетти говоришь, а ты готовишь, наверное, хорошо?

— Да, я очень хорошо готовлю, — несколько вызывающе ответила Маша.

— Молодец, — похвалил Караев, — среди нынешней молодежи это редкость, я девиц имею в виду, — пояснил он.

— Я поняла.

— А ты хозяйственная, это хорошо, значит, повезет кому-то, тому, кто на тебе женится.

— Вот уже не знаю, — скептически сказала Маша.

— А что так?

— У меня высокие требования, я хочу

добиться в жизни успеха, сделать карьеру, поэтому мой муж должен будет что-то представлять из себя, мне соответствовать. Я со своим молодым человеком рассталась из-за того, что он не знал, чего он хочет, шарахался из стороны в сторону, то одно хотел, то другое. То он режиссером хотел стать, проучился три года, потом бросил, сказал, что хочет стать яхтсменом.

— Человеку свойственно искать, заблуждаться, — это ты зря. Однако я смотрю, с тобой не очень-то забалуешь.

— Это точно, — подтвердила Маша, — со мной не забалуешь. И никому не советую.

Теперь в ее голосе звучала шутливая угроза.

— Да ты ешь, — предложил Караев.

— Я не хочу, спасибо.

— Я тоже не хочу.

— А почему едите?

— Видишь ли, дорогая, я не ем, я закусываю.

— Ну и че, какая разница, не вижу.

— А ни че, разница в степени, можно есть, а можно заедать, то есть закусывать. В последнем случае это действие вторично, оно дополняет выпивку.

— Какие тонкости, — с усмешкой сказала девушка, — а откуда вы так хорошо знаете русский язык?

— Тебе сколько лет?

— Двадцать...три, — помедлив, ответила Маша, — а какое это имеет отношение к моему вопросу?

— Самое непосредственное. Когда мне было двадцать три, я жил в другой стране.

— Это в какой же, — удивилась девушка.

— В СССР, и государственным языком был русский.

— А-а, так, и я в ней родилась, — разочарованно произнесла Маша, — но забываю все время.

— Дык. В этом-то и дело, — повысил голос Караев, — все очень быстро об этом забыли. Семьдесят лет жить в одной стране, а теперь удивляться хорошему знанию русского языка у нерусского и его присутствию в России. А ведь Экзюпери призывал к ответственности за прирученных.

— Я ни в чем не виновата, — неприязненно сказала Маша, — не кричите на меня.

— Ты нет, но твои бритоголовые ровесники вылавливают одиноких брюнетов и избивают их. И я вовсе не кричу, я просто повысил голос. Знаешь, такие слова: — «И возвысил он свой голос и заплакал»?

— Нет, не знаю. А вас кто-то избил? Скинхеды? — спросила Маша.

— Ты шутишь, наверное, разве я похож на

человека, которого можно безнаказанно избить? Конечно, нет: но я вчера сломал нос одному из этих ублюдков. Теперь меня совесть мучает. У меня всегда так, если набью кому-нибудь морду, потом жалею, если промолчу, не отвечу — поедом себя ем, в трусости попрекаю. Он был совсем ребенок, лет шестнадцать не больше, но в нем было столько ненависти, злобы. Это что-то напоминает — прыщавые, фашиствующие юнцы.

— Это же хорошо, если вас мучает жалость, — успокаивающе сказала Маша, — значит еще не все потеряно.

— Не все, — согласился Караев, — к сожалению, к сорокам годам хотелось бы потерять больше.

— Извините, если я вас чем-то обидела, я не хотела.

— Куда ты?

— Мне еще пыль надо вытереть. Спасибо за угощение.

Она встала и ушла с серьезным видом. Караев тоже встал, подошел к плите, включил чайник, вернулся, сел, положил руку на стол, стал барабанить пальцами. Было видно, что он взвинчен. Их было несколько человек, этих юнцов — скинхедов. Он вышел за сигаретами, прогуляться перед сном, это было вчера вечером. Дело происходило на автобусной остановке. Подростки

вели себя шумно и вызывающе, видимо вследствие неумеренного потребления клинского продвинутого пива. Громко смеялись, отпускали грубые шутки в адрес окружающих, не стесняясь в выражениях. Затем их внимание привлек чернявый юноша неарийской внешности. И они стали задирать его. Юноша не отвечал, видимо был из интеллигентной семьи, подтверждением чему служила скрипка в футляре, которую он держал в руках, и это еще больше раззадоривало парней. Проходящий мимо Караев, остановился и посоветовал парню: «Что ты смотришь на них друг, возьми свою балалайку и тресни кого-нибудь по башке». Юноша лишь глянул на него с укором. А скинхеды словно этого и ждали, тут же набросились на советника. Юноша как это часто бывает, тут же ретировался, оставив Караева одного. Сначала он дрался в полсилы, защищаясь и понимая, что имеет дело с подростками, но, чтобы не быть избитым, ему пришлось драться всерьез. Удары парней, сыпавшие на него градом, особого вреда ему не причинили, но зато один подросток, получив удар в лицо, с воплем упал на землю, и к удивлению, Караева этого оказалось достаточно, чтобы скинхеды разбежались.

Из комнаты донесся грохот, и этот звук вернул Караева в действительность. Он пошел на шум и увидел девушку, поднимающую гладильную

доску.

— Извините, — виновато произнесла девушка, — вот, грохнулась.

— Ничего, — успокоил ее Караев, — она часто падает.

— Это потому, что она на проходе стоит, надо убрать ее, куда-нибудь, убрать? — предложила.

— Не надо, имущество мужчины должно всегда находиться у него перед глазами, так говорила моя мама.

— А почему у вас только к гладильной доске такое отношение, — спросила Маша, — а остальное имущество?

— Остальное не мое, — пояснил Караев, — я снимаю эту квартиру. Здесь моего, только эта доска, картины на стенах, и кактусы на подоконниках.

— Ничего себе, — поразилась девушка, — снимаете такую большую квартиру, один. А мы в общаге живем вчетвером в одной комнате. Какой смысл платить лишние деньги, я-то думала у вас семья.

— Ну, почему сразу семья, а не, допустим клаустрофобия?

— А у вас клаустрофобия? — спросила Маша.

— Ненавижу эту женскую манеру, отвечать вопросом на вопрос. Нет, у меня мизантропия.

— Честно говоря, я не знаю, что означают все

эти словечки обозначают, — призналась Маша, — а семья это первое, что пришло мне в голову.

Маша подошла к висевшей на стене картине и стала протирать раму. Затем перешла к другой. Картины висели на каждой стене, их было около десятка: пейзажи, натюрморты. Протерев раму, Маша некоторое время рассматривала картину, затем бралась за следующую. Караев наблюдал за ней, медля уходить.

— Вы художник, — спросила Маша.

— Нет, — ответил Караев, — я инженер-технолог пищевого производства, специализировался на консервировании продуктов.

— Зачем же вам столько картин. Вы что же всюду их возите с собой, странно?

— А ты хотела бы, чтобы я возил с собой консервы?

— Нет, просто вы технарь, я подумала...

Она не договорила, и Караев не дождавшись окончания фразы, пояснил.

— Видишь ли, дорогая, дело в том, что я не только технарь, я еще и эстет.

— Господи, — шутливо взмолилась девушка, — как же с вами сложно; вы и технарь, и эстет, и еще и мизантроп. Чем же, интересно вы в Москве занимаетесь?

— Торгую на рынке, — помедлив, он добавил, — ну вот мы и спустились с небес на

землю.

Как же вы с такими способностями и на рынке торгуете?

В голосе девушки звучало плохо скрываемое злорадство.

Долго подбирал слова для ответа.

Комбинат, на котором он работал, обанкротился в первые же годы перестройки. Некоторое время он торговал на рынке иранским ширпотребом, менял валюту, перепродавал мандарины. Устроиться на работу в городе не было никакой возможности. Все предприятия в скором времени остановились, а в бюджетных организациях вакансий не бывало годами, а если и появлялась, то для поступления на работу требовалась взятка, которую Караев не в силах был выплатить. Приятель, местный судья, как-то в подпитии сказал ему, что для того, чтобы стать судьей в городе, нужно заплатить взятку в пятьдесят тысяч долларов. «Так вот, — продолжал судья, — чтобы человеку окупить свои расходы нужно невинного посадить, а виновного отпустить, за мзду естественно». Но это еще было не все: ежемесячно чиновник любого уровня обязан был передать вышестоящему начальству определенную сумму. Вся государственная машина Азербайджана работала по такому принципу. В любом случае, даже если бы кто и ссудил Караева

деньгами, а судья предлагал свою помощь, Караев не смог бы работать, так как не располагал таким завидным характером, чтобы вымогать у людей деньги и безмятежно жить после этого. В Баку ситуация была не лучше. Караев поездил по России, Украине, Белоруссии, затем вспомнил студенческие годы и подался в Москву. Пытался устроиться по специальности, но государственные предприятия находились в состоянии коллапса, а частные пищевые производства только проходили пирожково-чебуречную стадию. Многие его однокурсники работали в системе Агропрома. Пользуясь связями, стал заниматься посредничеством, купил торговую палатку на окраине города, затем взял в аренду продовольственный рынок.

— Ничего не поделаешь, — наконец сказал Караев, — голод не тетка. Жизнь навязывает нам свои суровые условия существования. В нашем городишке, на юге Азербайджана в советские времена находился крупнейший в стране консервный комбинат. Я работал на нем начальником лаборатории. Вообще-то я институт в Москве закончил. С большим трудом выправил себе назначение на малую родину, а должен был ехать на Кубань. Десять лет я проработал на комбинате. Потом началась перестройка. Союз развалился, комбинат встал. Это надо было видеть.

В воздухе царило ощущение катастрофы. Склады переполнены, все дороги на подступах к комбинату забиты километровыми очередями, грузовики, трактора с прицепами, в кузовах помидоры, под палящим солнцем, и запах гниения на всю округу. На этом предприятии работала половина нашего города. Впрочем, что говорить, то же самое происходило во многих городах, во всех республиках бывшего союза, только в различных вариантах.

— Мои родители тоже часто жалеют о распаде Союза, — сказала Маша, — особенно мама, у нее сестра живет в Риге, тетка моя, безвыездно живет, боится, потому, что, если она приедет маму навестить, ее обратно могут не впустить. Она прожила там всю жизнь, а теперь их не хотят признавать гражданами Латвии.

— Что характерно, — заметил Караев, — если бы подобное происходило в Азербайджане, сейчас бы вопль стоял на всю Россию, а прибалтам все сходит с рук. Как только они не гнобят русских, все молчат, словно в рот воды набрали. Когда их телевышку захватил спецназ, вся российская интеллигенция на уши встала, а сейчас такое ощущение, что она стоит раком.

Маша кашлянула.

— Извини.

— Ничего, мой папа тоже любитель крепких

выражений. Нашему поколению, наверное, никогда не понять ваше, я часто спорю с родителями. Как можно жалеть о Советском союзе. Ведь вы жили при коммунистическом строе; — железный занавес, отсутствие демократических свобод.

— Мы не жалеем, — мрачно произнес Караев, — мы испытываем ностальгию. Это была прекрасная страна, и ее создавали отнюдь не коммунисты. Советский союз возник не на пустом месте. Была Великая Российская Империя. Большевики лишь поменяли название. А что сделала эта шпана? Пользуясь отсутствием батьки, собралась, быстренько подмахнула бумаги и объявила себя свободными; ели-то от пуза они давно, но хотелось, чтобы об этом весь мир узнал. И ведь какая странная закономерность наблюдается, во всех республиках правят бал оголтелые, в прошлом, коммунистические бонзы. Люди, клявшиеся в верности коммунистическим принципам, теперь поборники демократического образа жизни, они теперь президенты, бывшие секретари компартий, стукачи, надзиратели, комитетчики. Оказалось, что в душе они все были демократы и диссиденты, просто время было такое...

— Извините, что перебиваю, — сказала Маша, — но я кончила.

Караев развел руками, потом полез в карман,

достал несколько купюр и протянул девушке, — спасибо, за работу, только лучше говорить — я закончила.

— Почему, — спросила Маша, беря деньги и убирая их в сумку.

— Без комментариев.

— Не считайте меня ребенком, я понимаю, что вы имеете в виду, только каждый думает в меру своей испорченности.

— Как ты разговариваешь со своим работодателем.

— А зачем вы ставите меня в неловкое положение.

— Ну, хорошо, — Караев поднял руки, — я был не прав. Пойдем лучше выпьем.

Маша отказалась.

— Спасибо, мне нужно идти.

— Ну, как знаешь.

— До свидания.

— До свидания.

Девушка ушла. Караев некоторое время стоял перед закрытой дверью, потом погрозил кому-то пальцем и вслух произнес: «И никаких шашней с домработницей».

Утро следующего дня, впрочем, как вчерашнего, и позавчерашнего, началось с тяжелого пробуждения, и тревожных мыслей по поводу

собственного поведения с домработницей. Медленно восстановив в памяти события вчерашнего дня и не найдя в них ничего предосудительного, Караев облегченно вздохнул и отправился в ванную комнату. Через час он в костюме и галстук сидел перед письменным столом и пил чай из маленького грушевидного стаканчика. На краю стола в рамке стояла фотография молодой женщины в простеньком ситцевом халате. Караев допил чай и, глядя на фотографию, сказал вслух: «Ну, что же сынок, пора на работу». После этих слов раздался телефонный звонок. Караев подождал, пока включится автоответчик, и услышал женский голос: «Алло, Ислам, это я Лена, если ты дома возьми трубку, пожалуйста».

Караев взял трубку и произнес.

— Тебе же русским языком сказали, оставьте сообщение и вам обязательно перезвонят.

— Может быть, для начала поздороваешься, — спросила Лена, — а уж потом будешь ворчать.

— Ну, здравствуй.

— Здравствуй, как ты поживаешь?

— Спасибо, хорошо. А ты как поживаешь?

— Я соскучилась.

— А-а.

— Что означает твое, а-а?

— Вопрос снимается.

— Почему? — Не унималась женщина.

— Ни почему.

— Когда мы встретимся, — спросила Лена.

— Как-нибудь, — пообещал Караев.

— Мы расстаемся?

— Что значит расстаемся? Если быть точным, мы расстались пятнадцать лет назад.

— Тебя это, я вижу, радует.

Нет, меня это не радует, я просто констатирую, определяю положение вещей. Знаешь, такое сочинение, называется «О природе вещей» ее написал один философ по фамилии Лукреций. В школе не проходили? А в институте? Не надо было лекции пропускать. Я не издеваюсь, я совершенно серьезно говорю.

— Как Маша убирается?

— Чисто. Слушай, а ты посимпатичней никого не могла найти?

— Я это сделала намеренно. А ты полагал, что найду тебе провинциальную красотку, чтобы она тебя окрутила, и вытянула из тебя твои денежки. Нет, мой милый, с Машей я могу быть за тебя спокойна, я знаю твой вкус. На нее ты не позаришься.

— А если она меня соблазнит. Как знать, человек слаб... Ну, ладно мне пора на работу. Я можно сказать, в дверях стою. Что за манера у тебя

звонить с утра пораньше.

— Ну, сейчас же не раннее утро, — сказала Лена, — уже одиннадцать, между прочим.

— Ну, правильно, — подтвердил Караев, — одиннадцать. Москва только проснулась. Ты Елена на стройке не работала?

— Ты бы еще спросил, не работала ли я в трамвайном депо, — возмутилась Воронина, — конечно не работала. Я между прочим выросла в семье министра.

— Не работала, поэтому ты не знаешь, что раньше отсчет времени начинался с открытия винных магазинов, а открывались они как ты уже, наверное, в силу своей проницательности догадалась в одиннадцать утра. Это сейчас водку можно купить в любое время, а в те времена в неурочный час — только у таксистов, ферштейн?

— Иди ты к черту, — вдруг обиделась Воронина, и бросила трубку.

Хлеб Насущный

За прилавками друг против друга стояли два молодых азербайджанца и лениво переговаривались. Перед ними на лотках были выставлены горки экзотических фруктов и овощей. Вдоль рядов, медленно шла молодая женщина. Заприметив ее, один торговец заметил: «Хорошая

штучка, а племянник?»

— Неплохая, — согласился племянник, — ты будешь «клеить», или я?

— К кому подойдет, тот и будет, — ответил дядя.

После этого они замолчали, принялись выжидать, как два охотника в засаде.

«Жертва» приблизилась к прилавку племянника.

— Почем апельсины? — спросила женщина, взяв оранжевый плод в руки.

— Шестдесят рублей, — приветливо ответил торговец, добавил, — но тебе бесплатно дам.

— Что это вдруг расщедрился? — удивилась женщина.

— Давай вечером встретимся, — предложил торговец, — туда, сюда, погуляем.

— С какой это стати, — она подбросила и поймала апельсин, у торговца вдруг возникло чувство тревоги.

— Красивый ты, — торопливо сказал он, следя за апельсином, — мне нравишься.

— У нас в России, парень, красивых девок много, если с каждой будешь встречаться, в убыток торговать станешь.

Женщина положила апельсин на место, повернулась и ушла.

— Соскочила, — с сожалением сказал

племянник.

— Ала, — возмутился дядя, — да ты ее спугнул, с человеком сначала поговорить надо, потом уже пригласить.

— Ала, ты свой делом занимайся, — огрызнулся племянник, — а то спугнул я ее, нет, стихи я ей читать должен. Вот смотри еще один идет, посмотрим, что ты сделаешь.

К прилавку приближалась еще одна молодая женщина. Дядя окликнул ее издали.

— Ко мне подходи, пожалуйста, дорогая, выбирай, что хочешь.

Женщина послушно подошла и спросила:

— Почем у вас киви?

Гиви? Гиви сто двадцат рублей.

— Ой-ой-ой, что же так дорого?

— Почему дорого, — искренне удивился торговец, — пока привезешь, тому дай, этому дай, такой цена получается.

— Ага, ты еще скажи, пока вырастишь, — иронически заметила женщина.

— Нет, нет, зачем вырастишь, врать не буду, — добродушно признался торговец, — Занзибар вырастил, у нас тоже можно вырастил, климат позволяет, но никто не сажает. За сто рублей возьми, а если хочешь, бесплатно возьми, я такой человек.

— Прямо-таки бесплатно, и все на этом, —

лукаво спросила женщина.

Торговец заулыбался, — если захочешь, вечером встретимся, погуляем.

— Ах, вот оно что, — на губах женщины появилась странная улыбка, нельзя было понять оскорблена она или обрадована. Взяла в руки киви, понюхала. — Значит, ты хочешь, чтобы я с тобой встретилась за сто рублей. Что-то ты друг дешево меня оценил. Только зачем вечера ждать, прямо сейчас и пойдем, у меня здесь квартира недалеко. За сто я согласна, только зеленью.

— Какой зелень, — недоуменно спросил продавец, — петрушка, кинза? Бери, сколько хочешь.

— Доллары, какая петрушка, что дорогой, расхотелось?

Улыбка сползла с лица торговца, — уйти не могу, — виновато сказал он, — извини, хозяин ругать будет.

— Ну, как знаешь, — произнесла женщина, повернулась и ушла.

Ну, что, дядя, не получилось, — торжествующе заметил торговец, — а то я, я.

Дядя развел руками и, сокрушаясь, сказал:

— А, эти люди совсем испортились, без денег ничего делать не хочет.

Вдруг кто-то раздраженно спросил:

— Вы сюда приехали девочек снимать, или

деньги зарабатывать?

Оба торговца быстро повернули головы и увидели Караева.

— Конечно, деньги зарабатывать, — быстро сказали торговцы.

— А почему к женщинам пристаёте?

— А просто так, пошутили.

Еще раз увижу, в другом месте шутить будете, понятно.

— Извини, да, начальник, — виновато сказали торговцы.

Раздражение Ислама быстро улеглось, и теперь он едва сдерживал улыбку. Через два ряда он увидел еще одного торговца, разговаривающего с рыжеволосой женщиной и не торопясь, направился в их сторону.

В руках у женщины Караев с удивлением заметил диктофон. Словоохотливый торговец при появлении Караева замолчал и поздоровался.

— Здравствуй, начальник.

— Здравствуйте, — ответил Караев, — что здесь происходит?

Она интервью берет, — радостно сообщил торговец.

Женщина медленно обернулась и смерила Караева взглядом. Ей было, по-видимому, далеко за тридцать, а может, и все сорок. Караев никогда не мог определить возраст по внешности, особенно у

женщин. Но в ее случае возраст не имел значения, она была красива.

— Вы директор рынка? — спросила женщина.

— Да.

— Я корреспондент газеты «Свободный Азербайджан», беру интервью у этого молодого человека, если вы не возражаете.

— Нисколько, — сказал Караев, — и, обращаясь к торговцу, по-азербайджански заметил, — следите за своей речью.

Он повернулся, чтобы уйти и услышал голос женщины: «Простите, а вам я могу задать несколько вопросов».

Караев остановился.

— Я пишу статью о положении азербайджанцев в России, — пояснила женщина.

— Честно говоря, сейчас я занят, — сказал Караев, — но мы можем встретиться вечером, если хотите, и я постараюсь ответить на ваши вопросы.

— Странное дело, — насмешливо заметила женщина, — все мужчины на этом рынке предлагают мне встретиться вечером, чтобы это значило?

— В моем случае это означает только то, что я сейчас занят, но мок воспитание, вежливость не позволяет просто отказать женщине, не предложив чего-либо взамен.

— Благодарю, вы очень любезны, но вечером

я не смогу.

— А-а, так вы бакинка, то-то я и смотрю, — сказал Караев.

— Что вы хотите этим сказать, — настороженно спросила женщина.

— У вас бакинский акцент.

— У вас, между прочим, тоже.

— Своего я не замечаю. Знаете, как-то раз, на заправке я обматерил одного увальня, это было здесь в Москве. Так ко мне подскочил один парень из очереди и спросил: «Брат, ты из Баку?» Я поинтересовался, как он это определил, он сказал, что только в Баку могут так виртуозно ругаться матом, потому что мы в русские слова вкладываем, вернее, вкладывали еще и местный колорит, и собственную экспрессию.

— Но я ведь матом не ругаюсь, — заметила женщина, — я не умею.

— Могу научить, — предложил Караев.

— Спасибо, не надо, — отказалась женщина.

— Ну, ладно, — сказал Караев, — раз вы вечером не можете, можете задать мне свои вопросы прямо сейчас, только не здесь, пройдемте в мой офис, это недалеко.

Интервью

Когда-то на этом месте был стихийный рынок.

Караев взял в аренду участок у муниципалитета с обязательством благоустроить его. Установил большой современный ангар, купил фирменные прилавки, провел свет и пустил сюда торговцев, большей частью своих земляков. Бизнес это был довольно хлопотный, нервный, а в последнее время еще и опасный, учитывая прогрессирующую в обществе неприязнь к кавказцам. Москвичи в новейшей истории были известны своей нелюбовью к пришлым людям, даже к представителям своей веры и национальности, вспомнить хотя бы лимитчиков. Офис располагался в соседнем доме. Две комнаты на первом этаже. Прошли через большую смежную, где за компьютерами сидели несколько человек и оказались в кабинете, окна которого выходили на детскую площадку. Караев снял пальто и помог раздеться журналистке.

— Прошу вас, садитесь. Чай, кофе?

— Чай, — женщина села на один из стульев возле письменного стола. На стенах висели несколько фантазмагорических рисунков в духе иллюстраций к сочинениям «фэнтэзи», среди них выделялись репродукции «Девичьей башни» и портрет Алиева. Вошла девушка, держа в руках поднос, на котором были маленький чайник, грушевидные стаканы, небольшая хрустальная ваза с конфетами, блюдечко с нарезанным лимоном и принялась разливать чай.

— Я не представился, — сказал Караев, — меня зовут Ислам Караев.

— Джафарова Севинч, — в свою очередь произнесла женщина, — спасибо, что уделили мне время.

— Не стоит благодарности, собственно говоря, вам трудно отказать.

Севинч взметнула на него удивленный взгляд.

— В манере разговора, в жестах, непонимание отказа, качество присущее людям обладающим властью. Так директор не понимает, почему рабочий отказывается от сверхурочной работы.

— Но я не обладаю властью. Я журналистка.

— Это генетическое, видимо.

Севинч улыбнулась.

— Если вы не против, давайте приступим к интервью, не возражаете, если я включу диктофон? Спасибо.

Она взяла паузу, собираясь с мыслями, затем спросила.

— У вас на стене висит портрет нашего президента. Я не могу придти в себя от удивления, уехать из Азербайджана за три тысячи километров, чтобы встретить поклонника Алиева, или может быть вы член партии «ЕАП¹».

¹ ЕАП — проправительственная партия в Азербайджане.

— Ни то, ни другое, это что-то вроде Ленинграда.

Увидев недоумение на ее лице, пояснил, — город давно уже называется Санкт-Петербургом, но люди определенного поколения упорно продолжают его называть Ленинградом, потому что речь идет о памяти. Это, как град Китеж. Портрет Алиева на стене неразрывен с моим детством, юностью. Это для меня виртуальная реальность. Видите ли, после сорока начинаешь придавать значение таким мелочам. Я бы и портрет Брежнева повесил, но тогда меня неправильно поймут, сочтут коммунистом. А почему вы так реагируете на портрет Алиева.

Наша газета находится в оппозиции к правящему режиму, — заявила Севинч, — как, кстати, вы относитесь к политическим процессам, происходящим в Азербайджане?

— No comment, — Караев выставил вперед ладонь, — никакой политики. Я бизнесмен. Но мне нравится ваша гражданская смелость.

Настороженно взметнулись ресницы, пытливый взгляд, выискивающий насмешку, но Караев был серьезен.

— Я не шучу, — добавил он.

— Надеюсь. Ответьте на такой вопрос, почему вы делаете свой бизнес в России, а не в Азербайджане.

— Я думаю, что вы сами знаете ответ.

— Возможно, — улыбнулась Севинч, — но это же интервью, я не могу задавать вопрос, и сама же на него отвечать.

— Логично, — согласился Караев, — попробую сформулировать. Вы пейте чай, остыл уже.

— Да, спасибо.

Женщина взяла ложечку, стала помешивать в чашке.

— Вы не положили сахар, — заметил Караев.

— Да, действительно, — рассеянно сказала Севинч, она бросила в чай кусочек сахара, продолжая помешивать.

— И так?

— Потому что в России есть спрос, причем не во всей России, а в северной ее части. Как сказал поэт: «В северной части мира, я отыскал приют, где птицы, слетев со скал, отражаются в рыбах, и, падая вниз клюют с криком поверхность рябых зеркал...»

Поймав ее недоуменный взгляд, Караев остановился:

— Извините, что-то меня не туда понесло. Я занимаюсь овощами, как вы понимаете, в Азербайджане всего этого в избытке. Экономические законы таковы, что спрос — непереносимое условие реализации товара.

Севинч сдержанно улыбнулась.

— Я обратила внимание, — сказала она, — на прилавках фрукты, в основном импортные, а ведь Азербайджан когда-то называли не иначе, как «Всесоюзный огород». Почему бы вам ни доставлять все это из Азербайджана. Ведь в советские времена все так и было.

— Совершенно верно, но это было в советские времена, а сейчас фрукты из Азербайджана мне обойдутся дороже, чем из Испании, или скажем Марокко. Слишком велики накладные расходы. Надо понимать, что я имею в виду не только таможенную и транспортную, но бесчисленные и безудержные поборы, которыми так славится наша республика. Время от времени у меня появляется такое желание, тогда я всеми силами стараюсь, от него избавиться. Знаете шутку биржевых маклеров, — если у вас появилось желание играть на бирже, то первое, что вы должны сделать, постараться от него избавиться. В Азербайджане любой чиновник, начиная с участкового милиционера, может прикрыть твой бизнес.

— А разве здесь вы не платите взятки?

— Плачу, конечно, но это не соизмеримые цифры, кроме того, здесь есть некий честный психологический аспект, здесь ты платишь для того, чтобы получить что-то взамен, какие-то уступки, льготы, для облегчения бизнеса. В принципе можно и не платить, никто с тобой

ничего не сделает. Потратишь больше времени, нервов. В Азербайджане не платить нельзя, и платишь только за то, чтобы тебе позволили работать, приходит чиновник и говорит — дай мне мою долю. В нашем городишке простаивала чайная фабрика, ее купили турки, вложили деньги, привезли новое оборудование, через два года все бросили и уехали. В числе прочего, мэр города требовал от них не платить рабочим высокую зарплату, потому что зарплата всех остальных горожан, в том числе и его собственная, официальная, выглядела просто пособием для нищих.

— Ну, что же, понятно. — Она что-то пометила в лежащем перед ней блокноте и задала новый вопрос: - В России на сегодняшний день проживает два миллиона азербайджанцев, вы участвуете в жизни диаспоры?

— Если только самим фактом моего существования здесь, — ответил Караев.

— Я имею в виду активное участие в общественной жизни.

— Нет, и честно говоря, я вообще против всяких общин, коллективных мероприятий еще с пионерских лет. Откровенно говоря, меня это слово ужасно раздражает. Вообще в общности по национальному признаку присутствует некий элемент атавизма, стадность какая-то. Цивилизация

— это, когда люди объединяются по единству культурных ценностей. Но в данном случае, я считаю, что до тех пор, пока общность по национальному признаку существует как нечто бесформенное — это нормально, но с того момента, когда это приобретает признаки организации с лидером, публичными заявлениями, — она приносит только вред. Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли, я за то, чтобы помогать землякам, найти работу, жилье, и я делаю это, но я против того, чтобы устраивать политическое шоу.

— Но община защищает права азербайджанцев в России, — возразила Севинч, — разве это плохо?

— Знаете, мне не нужны права азербайджанца, я вообще не понимаю, что это такое, у меня есть права человека и этого достаточно. Меня ведь, как раз и оскорбляет то, что меня выделяют из толпы по этническому признаку, а они этот признак как раз и усугубляют. Если на рынке убили азербайджанца, то его убили вовсе не потому, что он азербайджанец, а из-за того, что не поделили территории, из-за бизнеса, а все эти непрошенные защитники поднимают шум, раздувают дело, придают ему политическую окраску. Журналисты подхватывают и привлекают внимание обывателя: глядишь, получается, как в анекдоте; то ли он украл, или у него украли, но

репутация испорчена. Я понимаю афганцев, покинувших свою страну вместе с советскими войсками, они не могут вернуться на родину, это угрожает их жизни. Я признаю это право за кубинцами, живущими в Штатах, Фидель не пускает их обратно. Но всех остальных я не понимаю. Если ты выбираешь для жизни чужую страну, то ты выбираешь язык и культуру этой страны. В Россию надо интегрироваться, а не обособляться в ней. В Америке, кроме негров, никто не кричит о своих правах этноса, там о национальности вспоминают в последнюю очередь, да и негры больше напирают на то, что их насильно привезли в эту страну из Африки, то есть обратная ситуация. В царской России не было ни одного национального образования, и это делалось для того, чтобы не сеять национальную рознь. Возвращаясь к вопросу об общине, я хочу сказать вот что, единственное без чего я не могу обойтись в чужой стране — это религия, но она всегда со мной. Нужны обряды? В России есть мечети. А если же мне понадобится дым отечества, то я сяду в самолет и получу его в полной мере из первоисточника.

— Я была в Сибири, там азербайджанская диаспора собирается открыть школу на азербайджанском языке, — сказала Севинч.

— Похвально, хотя это все равно, что русскому поехать в Англию и учиться на русском

языке. Не имеет никакого значения, на каком языке ты получаешь знания. Для того чтобы дети имели представления о собственной культуре, достаточно воскресной школы в арендованном помещении и ничего не требовать от принимающей стороны, поверьте, это раздражает людей и не приносит нам пользы. Горбачев окончательно утратил расположение народа после того, как издал закон о защите чести и достоинства президента.

— Ну, что же, ваша позиция мне ясна, большое спасибо за интервью, — Севинч выключила диктофон и убрала его в сумку, — должна признать, что ваше мнение отличается от мнения всех опрошенных мною людей, но возможно вы и правы. Еще раз спасибо, я пойду. Она поднялась. Караев тоже встал.

— К сожалению, не могу вас проводить. — Сказал он.

— Спасибо, не нужно. До свидания.

До свидания. Счастливого пути.

Вид на жительство

Опорный пункт милиции находился в обшарпанном подъезде жилого дома. На стенах висели листовки — цитаты из инструкций МВД и ксерокопированные портреты, в основном «фотороботы», разыскиваемых преступников.

Караев дождался своей очереди и вошел. Прием вели одновременно два участковых инспектора, сидевших друг против друга: капитан, примерно одних лет с Караевым и совсем еще молодой рыжеватый лейтенант. Оба говорили по телефону, не обращая внимания на посетителя. Из двух раций, лежавших на столах, доносились голоса и радиопомехи.

— Здравствуйте, — сказал Караев, — мне нужно оформить свое проживание в Москве, к кому из вас я могу обратиться.

Поскольку никакой реакции не последовало, он положил файл со справками на стол капитана, и подсел к нему. Закончив разговор, капитан произнес одно слово — паспорт.

Караев достал паспорт и протянул ему. Капитан посмотрел паспорт, бумаги и спросил с заметным украинским акцентом.

— Значит, хочешь получить регистрацию.

— Не получить, — ответил Караев, — продлить, только я не заметил, когда мы перешли на тебя.

Капитан посмотрел на Караева и сказал иронически.

— Звиняйте дядько, вырвалось.

— Бог простит, — ответил Караев.

Лейтенант оторвался от телефонной трубки и с ухмылкой произнес.

— Скажите, пожалуйста.

Караев обернулся к нему, но тот продолжил говорить в трубку.

— Я же вам сказал, участкового не вызывают на дом, участковый сам приходит, а на дом вызывают наряд милиции. Вот звоните ноль два, и они вашего мужа заберут, а у нас, тем более, сейчас, приемные часы.

— С какой целью вы проживаете в Москве, — спросил капитан.

— С целью снискать хлеб насущный, — ответил Караев.

— Можно ясней и подробней.

— Можно, — согласился Караев, — у меня здесь бизнес.

— На рынке, наверное, торгует, — встрял лейтенант, — они все тут на рынке торгуют.

— Какой бизнес? — Спросил капитан.

Караев, кивая на лейтенанта, сказал, — товарищ прав.

— По вашему виду не скажешь, что на рынке торгуете.

— Ну, я же не сам стою за прилавком, — пояснил Караев, — я организатор, а торгуют продавцы.

— Земляки конечно.

— В основном, но есть и другие, женщины, например.

— Баб, небось, русских нанял, — вновь подал голос лейтенант.

— Ну, почему же, смуглянки, хохлушки.

При слове хохлушки капитан бросил на Караева быстрый взгляд.

— А смуглянки это кто, свои что ли, — с неприязнью спросил лейтенант.

— Нет уважаемый, смуглянки, это молдаванки.

Лейтенант издал смешок. Караев добавил.

— Песня была такая, вот капитан, наверное, помнит?

Капитан неопределенно дернул головой и задал новый вопрос.

— Давно в Москве?

— Давно, — сказал Караев, — я могу получить справку.

— Ну, наверное, можете, — будто с сожалением произнес капитан, — все бумаги имеются; заявление ответственной квартиросъемщицы, копия финансово-лицевого счета, выписка из домовой книги, только бежать придется, в смысле поставить надо, за прописку. У нас в России так принято.

— Я знаю, — ответил Караев, — только зачем же бежать, у меня все с собой.

Он открыл стоящий в ногах дипломат, извлек оттуда две бутылки водки и поставил на стол, —

когда мне зайти за справкой?

Лейтенант воскликнул. — О, да у нас с собой было.

— Порядочного человека за версту видать, — удовлетворенно сказал капитан, — Справку мы прямо сейчас вам нарисуем. Петя, ну-ка глянь, много там народу осталось?

Лейтенант снял трубку надрывавшегося телефона и рявкнул, — минуту ждать, — затем поднялся, открыл дверь и выглянул в коридор, оглянувшись, сказал, понизив голос, — до такой-то матери.

Капитан посмотрел на часы.

— А времени у нас, сколько осталось, у-у, пять минут восьмого, объяви, что прием окончен, а то они до ночи переть будут, надоели.

— Граждане, — радостно сообщил лейтенант, — прием окончен, освободите опорный пункт милиции.

Капитан достал из папки бланк справки, протянул его Караеву со словами: «сами заполните». Затем полез в тумбочку и достал три граненных стакана, — Присаживайтесь с нами.

— Спасибо, — убирая справку, — сказал Караев, — я пойду.

— Бог троицу любит, — настаивал капитан, — присаживайтесь, отметим конец трудового дня, вот только закусить блин нечем.

Караев недолго сомневался, собственно дома он собирался заняться тем же, вытащил из кейса батон хлеба, банку шпрот, и сверток, в котором оказался круг копченой колбасы.

— Краковская, — плотоядно спросил капитан.

— Одесская, краковская жирная больно.

— А что, жирная это хорошо.

— Звиняйте хлопцы сала нема. — в тон ему произнес Караев.

Капитан засмеялся.

Лейтенант, выпроводив посетителей, запер за ними дверь и вернулся весело насвистывая.

— Ого, да у вас тут все по-взрослому.

Петя, — назидательно сказал капитан, — на будущее, шоб ты знал, порядочные люди приходят не только со своей выпивкой, но и со своей закуской. Уверенной рукой он свернул колпачок на бутылке и наполнил стаканы до половины, и сказал — ну как говорится за знакомство.

Сдвинули стаканы, выпили, выдохнули, Караев ослабил галстук и, отщипнув корочку хлеба Офицеры одновременно расстегнули верхние пуговицы форменных рубашек.

— А ты ничего, — одобрительно заметил капитан, — грамотно пьешь, где школу проходил?

— Здесь в Москве, я после армии в институте учился, с семьдесят восьмого по восемьдесят третий, по вечерам на стройке подрабатывал.

— Ну, тогда все ясно, вопросов больше не имею.

И тут же задал новый вопрос, — ну а как вообще бизнес идет?

— Да ничего, — ответил Караев, — рентабельный.

— Ну, че, по второй что ли, — предложил молчавший до этого лейтенант, — между первой и второй, как говорится, промежуток небольшой.

— А что ты улыбаешься, — с вызовом спросил он у Караева, — ничего, что я на ты.

— Ничего, мы же за столом сидим, пьем, чего уж тут миндальничать, а улыбаюсь я, потому что первый раз в милиции пью.

— А сидеть не приходилось?

— Бог миловал.

— Ну, ладно, по второй, — берясь за бутылку, объявил капитан.

Выпили еще по одной.

— Хорошо идет, — констатировал капитан. Он уложил на ломтик хлеба пару шпротин и отправил все это в рот.

— У меня, товарищ капитан, такое ощущение, — сказал Караев, — шо я вас где-то бачив.

— Гля, Петро, он на мову перешел, — захохотал капитан, — ну ты брат даешь. А кто знает, може и бачив. Только давай на ты перейдем,

неудобно как-то, хочешь, брудершафту выпьем.

— Ни в коем случае, я брудершафт только с женщинами пью, да и то не со всеми, не люблю я с мужиками целоваться, без брудершафта на ты переходим. И все-таки ты, в Москву не по лимиту случайно приехал?

— В самую точку попал, — удивился капитан.

— А на стройке не работал?

— Не, на стройке не работал, — сказал капитан, — я на ЗиЛе работал, меня оттуда в милицию взяли.

— Мимо, — ухмыльнулся лейтенант.

— Хотя, подожди-ка, меня в командировку посылали на стройку, на месяц, точно.

ЗИЛовскую больницу строить?

Точно, — поразился капитан, — вот дает, ну и память у тебя, а я убей, не помню, все-таки двадцать лет прошло, я там, в котельной помогал отопление монтировать, — обращаясь к лейтенанту, — я же сантехник, по гражданской специальности. Слушай, а я тебя не помню.

Это ничего, — сказал Ислам, но я там тоже был.

Так значит мы с тобой земляки, — объявил капитан.

— Слушай, — вступил лейтенант, — а все-таки объясни, че вас всех сюда в Москву тянет?

— Вас, это кого, — спросил Караев, — давай

уточним.

— Ну, азербайджанцев, армян, на рынок войдешь там одни ваши.

— Ну, на продуктовых рынках армян почти нет, они на строительных рынках подвизаются, они с другим контингентом работают, а продуктами они торгуют через ларьки, киоски, магазины, опять же продавцами у них славяне работают, чтобы самим светиться, это только наши глаза мозолят. А собственно, что плохого в этом, для вас в частности, материальную помощь они вам оказывают, труженики рынка.

— Я разобраться хочу, — не унимался лейтенант.

— Ну, что же, давай, разберемся, — согласился Караев, — на самом деле азербайджанцев в Москве не больше чем скажем молдаван, украинцев, белорусов. Просто славян не видно в толпе, а кавказцев видно. То, что они на рынке, у каждого своя сфера деятельности, своя ниша; носильщики, например, на вокзалах все татары, все сапожники в Москве — айсоры, ассирийцы, вернее. А то, что все сюда едут — не от хорошей жизни, уверяю вас. И это только начало уверяю вас, сюда в скором времени повалят все: таджики, узбеки, киргизы, вы еще их не видели. Все кроме прибалтов, тем дорога в Европу открыта, они будут там выполнять грязную работу. Людям семьи

нечем кормить, жен, детей. Но что характерно, капитану ты не задаешь таких вопросов, а ведь он тоже нерусский.

Капитан взялся за бутылку и стал разливать водку.

— В самом деле, че ты пристал к человеку, бери вон лучше стакан, — обращаясь к Караеву. — Тебя как зовут.

— Ислам.

— Я Василий, а это Петр, вот и познакомились. А по-русски Ислам как будет?

— Так и будет, не переводится. Это только в анекдоте переводится, знаете? Как знакомятся армянин и русский. Русский говорит — меня зовут Иван, по-вашему, будет Ваню. Армянин говорит — А меня зовут Акоп, по-вашему, — траншея будет.

Капитан засмеялся.

— Ну, давай за знакомство.

Все выпили.

— Я не пристаю, — не унимался лейтенант, — я разобраться хочу.

По мере того, как они пили, он все более мрачнел и, в отличие от капитана, становился задиристым.

— А капитану я не задаю таких вопросов, потому что украинцы и белорусы, это те же русские, Белая Русь. А Украина называлась Малороссией, а про Киевскую Русь слышал что-

нибудь?

— А ты про Уна-Унсо, слышал что-нибудь? — спросил Караев. — Бесплатный совет, будешь в Киеве, не говори там, что украинцы — это те же русские, побить могут, русские там для многих кляты москали. Это, во-первых, во-вторых, Киевская Русь к Московской Руси если и имела какое-то отношение, то только враждебное.

Караев замолчал, достал из кармана пачку сигарет, закурил и положил на стол, офицеры тоже взяли по сигарете. Через несколько минут в комнате повисло облако сизого дыма.

— Между прочим, — заметил лейтенант, — Наш премьер-министр сказал, что каждый азербайджанец вывозит ежегодно из страны двести долларов.

— Ну конечно, — иронически сказал капитан, — они у него в тумбочке лежат, а они берут и вывозят.

— С точки зрения экономики — это полный абсурд, — заявил Караев, — чтобы вывезти из страны двести долларов их сначала нужно заработать, что уже предполагает участие в экономике страны, понятно, да, что, все эти рыночные торговцы не сидят на бюджетных деньгах. Рентабельность торговли, а мы уже выяснили, что наш брат в основном работает в торговле, составляет в среднем плюс, минус сорок

процентов, значит, заработать он должен пятьсот долларов и из них триста оставить в Москве.

— Вот что значит образованный человек, — заметил капитан, — на него, Петро, всех собак не повесишь.

— А я и не собираюсь ничего вешать, — огрызнулся лейтенант.

— Но кроме этого, — продолжал Караев, — следует признать, что злосчастный, так ненавидимый всеми азербайджанец, вольно или невольно создает инфраструктуру: он платит за место на рынке, платит за разрешение на торговлю, платит за комнату, которую он снимает у пенсионерки; я уже не говорю об отчислениях милиции, санэпидстанции и т. д., и, наконец, эти пресловутые двести баксов он вывозит на самолете Аэрофлота, а билет стоит сто двадцать долларов в один конец. И уж если мы взялись подсчитывать, тогда огласите весь список, пожалуйста, сколько вывозят армяне, грузины, молдаване, украинцы, белорусы, с ними у вас ведь нет таможи. А евреи?! Господа, если вам удастся подсчитать, сколько из страны за это время вывезли евреи, я сниму перед вами шляпу, потому что их торговые операции по перекачиванию денег из страны, понять сложнее, чем бином Ньютона. Но больше всего меня удивляет мелочность ваших обвинений. Вы ребята спокойно наблюдаете за тем, как из страны тащат

миллиарды долларов. Ваши же собственные, ушлые сограждане приватизировали нефть, газ, аэрофлот, заводы, фабрики, а вы никак не можете пережить эти несчастные двести долларов, и смуглую физиономию бывшего соотечественника.

Лейтенант язвительно сказал:

— Тебя послушать, так азербайджанцы всю Москву кормят, без вас она бы пропала.

— Они кормят тех, с кем взаимодействуют, и в первую очередь московскую милицию.

— А как они себя на рынке ведут нагло, хамят, к женщинам пристают, — не унимался лейтенант.

Это уже вопрос культуры. Знаете такой анекдот, президент Алиев вызывает к себе министра культуры и спрашивает: «Министр, вот российские товарищи интересуются, почему у нас в Азербайджане говорят, зелень-мелень, салат-малат»? А министр отвечает: «Что сделаешь господин президент, дикие люди да, культур-мультур нету».

Ну, а если серьезно. На рынке торгуют не лучшие представители нашего племени. В основном сельский житель, не отягощенный интеллектом, образованием. Что касается женщин, к ним все пристают, даже менты, но по-разному. Торговцу с рынка кажется, что он ведет себя естественно, что именно так надо клеить девочек.

— Но дома он же себя так не ведет, — запальчиво сказал лейтенант.

— Не ведет, — согласился Караев, — потому что дома за такие вещи убить могут. Другая ментальность, к примеру, если твоя сестра будет встречаться с парнем, а потом парень ее бросит, начнет встречаться с другой, ты его убьешь? Нет? А в нашем городе за это убить могут, поэтому и не пристают к женщинам, явно во всяком случае. У вас девушка, может одна пойти на пляж, взять книжку, позагорать, а у нас не может.

— Почему?

— Во-первых, решат, что она девушка легкого поведения, во-вторых, могут изнасиловать, если рядом людей не окажется.

— Изнасиловать везде могут, — философски заметил капитан, — в тюрьме, например.

— Эти интеллигентские рассуждения, конечно, понять можно, — зло сказал лейтенант, — а кроме понимания того, что ваши ребята малокультурные, что ты предлагаешь делать, одного понимания мало. Если пристаёт, что делать, понимать, входить, так сказать в положение?

— Что делать? По морде бить, что еще можно делать, — развел руками Ислам. — Кто бы спрашивал? Ты кто? Приват-доцент! Ты же милиция, это твоя работа — общественный порядок. Но ты сделать ничего не можешь, потому

что деньги с него берешь. А если бы не брал, то он бы тебя боялся, и к девушкам не приставал.

— Я взятки на рынке не беру, это вообще не моя территория. — взъерепенился лейтенант.

— Я не конкретно тебя имею в виду, я говорю о ситуации.

— Прекратить прения, — рявкнул капитан, — ну что вы в самом деле, за столом сидим, водку пьем, кончайте базар. Давай, лейтенант, наливай, и меняем тему.

Но Караев встал, говоря:

— Пойду я, спасибо за компанию, и за справку.

Вместе с ним поднялся и капитан, схватил его за руку и стал трясти.

— Ты заходи если что, — напутствовал он, — если еще кому регистрация понадобится, таксу знаешь.

Караев посмотрел на стол.

— Не не, — сказал капитан, — мы в день по двадцать справок выдаем, сопьемся к чертовой матери. Сухими, пятьсот рублей с носа, приводи своих архаровцев, наверняка безбилетные есть.

— Не премину, — сказал Караев, и ушел.

Воронина

Самое скверное, что есть в жизни — это утро

следующего, после попойки дня. Осознав свое пробуждение, Караев тихонько застонал и сел на кровати, выждал пока утихнут удары в голове, поднялся и, стараясь не делать резких движений поплелся в кухню. Голова раскалывалась от боли. На столе, на видном месте лежала предусмотрительно оставленная им с вечера таблетка шипучего аспирина. Он растворил ее в воде и выпил. Не было никакой необходимости пить вчера в милиции, надо было отдать им водку и уйти. Пользы от этого никакой, один только вред здоровью. У мужчин обычно выпивка располагает к дружбе, у ментов все иначе; пить с тобой будут, деньги брать, а случись что, тут же от тебя открестятся. Такое уже бывало, когда принадлежавшую ему торговую палатку обворовали. Это было еще до того, как он взял в аренду рынок. Для того чтобы получить справку из местного отделения милиции, ему пришлось прибегать к помощи супрефекта, которому он выплачивал ежемесячный оброк. Все те милиционеры, — участковый, оперативники, патрульные, которые брали бесплатно сигареты и алкоголь вдруг перестали его узнавать. Что он вчера нес, что хотел им доказать? Караев тяжело вздохнул и поплелся в ванну. Сквозь шум, производимый падающими струями воды, он слышал трель дверного звонка. Ислам вылез из

душа, не вытираясь, накинул халат. «Кто бы это мог быть, в такую рань», - недоуменно пробормотал он и приник к дверному глазку. Стоявшая за дверью Елена отсалютовала ему рукой. Не открывать было бесполезно, в целеустремленности Елене не было равных, как-то раз Караев сделал вид, что его нет дома, так Елена влезла в распределительный щит на лестничной клетке и вырубил свет в квартире. Правда, Ислам, вынужденный выйти из квартиры, все равно ее не впустил, уже из принципа.

— Какого черта, — сказал он, открывая дверь и поворачиваясь к непрошенной гостье спиной.

Так-то ты встречаешь женщину, — с улыбкой произнесла Елена, входя в квартиру, — а где доброе утро дорогая, ты прекрасно выглядишь.

Она нисколько не обиделась, она вообще не имела такой глупой привычки обижаться.

— Я, кажется, просил не приезжать без приглашения, а тем более без звонка, — злобно сказал Караев.

Вошел в ванную, где на него вдруг накатила слабость, еще бы немного и он бы упал в обморок, Ислам присел на край ванны, открыл кран и подставил ладонь под струю холодной воды. Умылся и почувствовал некоторое облегчение. Он набросил на голову полотенце и, не обращая внимания на женщину, пошел в спальню и лег на кровать. Чувствовал он себя довольно скверно.

Елена сняла плащ и последовала за ним, присела на краешек кровати.

— Если я буду ждать приглашения, то я тебя уже никогда не увижу.

— Так это же хорошо, с глаз долой, из сердца вон, решение проблемы.

— Твоей возможно, но не моей.

— Почему?

— Потому что я тебя люблю.

Караев тяжело вздохнул и стал смотреть в потолок.

— Сколько лет прошло, — голос Елены дрогнул, но она справилась, — ты мог бы меня простить, я просто девчонка была, ничего не понимала в жизни, думала, что любовь — это как одежда, можно другую, оказалось, нет.

— Вот именно, что столько лет прошло, это все равно, что реанимировать умершего, то есть зомби мы получим, но чувств прежних в нем не воскресить, как ты этого не можешь понять.

— А я ведь ничего особенного не прошу от тебя.

— Послушай, я плохо себя чувствую, ты хочешь доконать меня.

— Боже упаси, напротив, я хочу помочь тебе, что мне для тебя сделать, скажи.

— Помолчи немного.

— Как мало тебе от меня нужно, — с

сарказмом произнесла Елена.

Караев закрыл глаза и тут же открыл. На миг ему показалось, что Лена ничуть не изменилась, и что это то самое февральское утро, когда она пришла навестить его, больного гриппом, в общежитие. Ей тогда едва исполнилось семнадцать лет. «Я по поручению группы, — сказала она».

— А я решил, что по велению сердца, — слабым голосом произнес Ислам.

Лена его слова приняла всерьез и растерянно оглянулась, в комнате они были одни.

— Ты не закрывай дверь, — посоветовал он.

Почему, — спросила Лена, хотя подумала именно об этом.

— В американских военных училищах, девочки и мальчики живут в одной казарме, но в разных комнатах, парень совершенно свободно может зайти к девушке и находиться там, но дверь при этом должна быть нараспашку, чтобы даже тень подозрения не могла пасть на них.

— Вот еще глупости, мне плевать, что обо мне подумают, — она пожала плечами и подошла ближе.

— Садись.

Лена не чинясь, присела на уголок кровати и улыбнулась.

Именно этот момент вдруг возник в памяти Караева. Начало романа. Их отношения так и

остались целомудренными. Это было то благословенное время, когда в Москве даже в институте легко можно было встретить девственницу. То, что было дальше, Караеву уже вспоминать не хотелось, но именно эта сцена, почему-то наполнила его сердце нежностью.

— Можно я лягу рядом, — словно почувствовав, спросила Лена.

Караев вдруг засмеялся.

— Смеешься, значит, дело на поправку пошло.

Нет, просто я вспомнил мейхана, в Азербайджане есть такая форма народного творчества — куплеты. Вот послушай, правда они несколько грубоваты.

Я больной, ты
больной,
Приходи ко мне
домой,
Будем вместе
аспирин глотать
Если это не поможет,
Доктор нас в постель
положит...
Будем делать
маленьких детей.

Ну, и так далее.

— Хорошие куплеты, — оживилась Лена, — главное актуальные. Так я могу лечь рядом?

— Ну, если хочешь, чтобы я умер на тебе, ложись, мужики моего возраста часто умирают на женщинах.

— Да-а, Караев, умеешь ты разбудить желание в женщине, — протянула Лена.

— Послушай Воронина, почему наши отношения не могут остаться платоническими, — спросил Караев.

— Потому что мне мужик нужен, понимаешь.

— Ты даже не представляешь, сколько женщин могут подписаться под этими словами, — сказал Караев.

— Ну-ну, продолжай в том же духе, — Воронина поднялась, огляделась, — ну что ж, не знаю насчет остального, но убирается она у тебя довольно чисто, моя совесть чиста.

В дверном проеме она остановилась.

— Ничего не хочешь мне сказать, на прощанье.

— Не приезжай без звонка, — попросил Ислам.

Ушла, хлопнув дверью. Караев полежал еще немного, пытаясь заснуть, затем встал оделся и отправился на встречу с бандитами.

Татарва

Магазин, принадлежащий Караеву, находился на окраине, в одном из микрорайонов Москвы. То есть это был не совсем магазин в капитальном здании, а облагороженная торговая палатка. Дни ее были сочтены, так как московские власти в очередном приступе созидания издали указ об упорядочении торговли в коммерческих палатках. Из этого указа следовало, что все нестандартные торговые палатки должны быть снесены. Караев не особенно расстраивался из-за этого, так как этот период бизнеса давно им был уже пройден. Палатка эта подвернулась Караеву случайно, знакомый грузин предложил ему купить на паях магазинчик в проходном месте. Нодар был человеком осторожным, хотел разделить свой риск, к тому же, у него уже были две торговые точки, где на ура, расходилось дефицитное по тем временам пиво. Если бы Караев в тот момент был трезв, он бы отказался, так как не очень хорошо знал ни Нодара, недавно вышедшего из очередной отсидки, ни того человека, который пришел с этим предложением. Себя Ираклий, так звали человека, предлагал в управляющие. Но дело происходило за столом, выпито было немало, поэтому Караева долго уговаривать не пришлось. Через два месяца

убыточной торговли, Нодар закатил истерику и стал требовать продажи магазина, желая вернуть свои деньги, Ислам, не имевший привычки отступаться, выплатил его долю и стал единоличным собственником. Не так давно, во время ревизии, обнаружилась внушительная недостача. Караев потребовал у Ираклия объяснений, затем погашения долга. Ираклий бросился за помощью к Нодару, но не найдя понимания, обратился за помощью к другому земляку, бывшему однокласснику по имени Важа, ныне вору в законе. «Стрелка» должна была состояться сегодня у метро «Бабушкинская», возле вещевого рынка. Караев приехал вместе с Нодаром, который безоговорочно принял сторону Караева, видимо в качестве компенсации за тогдашний, малодушный выход из совладельцев магазина. Потом появился напыщенный, страшно важничающий Ираклий в сопровождении двух «быков». «Быки», как ни странно, были русские. Он издали раскланялся с Нодаром, но подходить не стал. В последний момент, к ужасу Ираклия, Важа не приехал, прислал вместо себя доверенного человека. Доверенный оказался беспристрастен и внимательно выслушал обе стороны. В разговоре выяснилась любопытная деталь, оказалось, что Ираклий подал себя Важа, компаньоном Караева, который по неопытности, не корысти ради, нанес

ущерб магазину. В то время, как Караев утверждал, что нанятый им управляющий проворовался и должен возместить ущерб. На вопрос арбитра, почему Ираклий ввел Важа в заблуждение, Ираклий заявил, что это он нашел магазин и приложил усилия для его нормального функционирования, следовательно, считает себя совладельцем. На лицах окружающих при этих словах появились улыбки. «Вернешь человеку деньги, — сказал Ираклию криминальный арбитр, — и нам на глаза лучше не попадайся». После этого он кивнул Нодару, сел в поджидавшую его машину и уехал. Вслед за ним разъехались и «быки». Оплеванный Ираклий остался один. Он был похож на побитую собаку, с жалкой улыбкой заглядывал Нодару в глаза, пытаясь увидеть в них угрызения совести. Все же они были оба грузины, хорошо ли было выступать на стороне азербайджанца.

— Надо вернуть человеку деньги, — хмурясь, сказал ему Нодар. Двадцатилетний тюремный стаж давно убедил его в том, что самой большой подлости и предательства, как раз-таки надо ожидать от своих, что национальность, полученная при рождении это условность, она формируется в человеке в течение времени. Некоторые русские, азербайджанцы, евреи, валившие вместе с ними лес в лагере, были в большей мере грузинами, чем некоторые из грузин.

— Нодар, у меня нет столько денег, — воскликнул Ираклий.

— А куда ты дел два с половиной миллиона.

— Клянусь мамой, я не знаю, как это получилось, это ошибка.

— Зато я знаю, — заявил Нодар, — вот кафе «Катюша».

— Он простер руку, показывая, на новенький «Тонар» припаркованный на противоположной стороне дороги, перед ним стояло несколько белых пластиковых столов со стульями. Над «Тонаром» была надпись из неоновых букв.

— Это ведь твой кафе «Катюша».

— Мой, да, — признался Ираклий.

— Товар на два с половиной миллиона ты из магазина взял и здесь продал.

— Я здесь пирожки продаю, какой я товар мог взять, — взмолился Ираклий.

— Откуда я знаю, какой ты товар взял, — пожал плечами Нодар, — вот человек лучше знает.

— Мое пиво ты здесь продаешь вместе с пирожками, — сказал Ислам, — берешь его из моего магазина, а деньги в кассу не вносишь. Как раз на три машины пива денег не хватает.

— Клянусь мамой, я все вносил, пиво брал, не отказываюсь, но это ошибка.

— Это твоя ошибка, — вмешался Нодар, — надо вернуть деньги.

— У меня столько нет денег, где я возьму.

— Машину продай.

— Машину продам, на чем ездить буду.

— Пешком будешь ходить, жир свой растрясешь.

Понурившись, Ираклий замолчал.

Исламу стало жаль его, и он произнес.

— Я буду давать тебе пиво по себестоимости, будешь продавать, и из прибыли со мной рассчитывать, пока не вернешь долг.

— Хорошо, — быстро согласился Ираклий.

— Спасибо скажи, козел, что такому человеку ты должен остался, — заметил Нодар. — Дает возможность рассчитаться, другой бы с тебя штаны снял, все бы заставил продать, — и, обращаясь к Исламу, добавил, — пойдем друг, выпьем чего-нибудь, а-то у меня из-за этих разборок в горле пересохло.

У Нодара был подержанный «Мерседес» представительского класса. Ислам сел в машину, потянув за собой дверь, которая закрылась с сочным звуком. Ираклий проводил их взглядом, в котором не было ничего хорошего.

— Поедем ко мне, — сказал Нодар, — хорошее вино мне привезли из Грузии.

— Спасибо за то, что пошел со мной, — поблагодарил Ислам.

— Ну, что ты, друг, ты для меня столько

хорошего сделал.

— Они познакомились, когда Илам занимался посредничеством, пиво которое реализовывалось через торговые точки Нодара, поставлял Ислам, получая с этого десять процентов. На дворе был 1993 год, время пивного дефицита, народ сметал с прилавков все. Нодар продавал в день по две, порой по три машины.

До дома доехали быстро, за десять минут. Нодар снимал комнату в двухкомнатной квартире в одной из «хрущевок». Хозяином был заторможенный малый по имени Гера. Он нигде не работал, любил выпить и довольствовался небольшой арендной платой и регулярными подношениями. Ислам бывал здесь довольно часто, офиса у Нодара не было, поэтому многие вопросы он решал в своей квартире.

— Наны нет, — спросил Ислам, когда они поднялись в квартиру.

— В Тбилиси уехала, — ответил Нодар, — сын у нее заболел.

Нана была его гражданской женой, каждый раз, когда Ислам приходил, она накрывала на стол и уходила в кухню. Высокая статная, красивая женщина, лет сорока, самому Нодару было пятьдесят восемь, правда, выглядел он значительно моложе, что было удивительно, учитывая то количество лет, которое он провел в лагерях.

Нодар поставил на стол глиняный кувшин с вином, тарелку с сулугуни и достал из серванта два хрустальных бокала.

— Не волнуйся, друг, — сказал Нодар, наполнив бокалы, — куда он денется, отдаст деньги, я присмотрю за ним.

— Что за вино, — спросил Ислам.

— Изабелла и Саперави, домашнее.

— Купажированное, — сказал Ислам.

— Да, нет, смешанное, — пояснил Нодар, — хорошее, попробуй.

— Ислам выпил вино, взял ломтик сыра.

Понравилось?

Ислам кивнул, — хорошее, только сладковатое, мне больше сухое по нраву.

Ну, что ты, оно совсем не крепленное, это Саперави, сладкий виноград, такой вкус дает. Деньги возьмешь?

Нодар открыл нижний ящик серванта, вытащил оттуда бумажный пакет и вывалил содержимое на край стола. Ислам перебрал пачки стянутые резинками, две отодвинул.

— Лишнее.

— Это не лишнее, это за тару, — сказал Нодар.

— Нет, так не пойдет, тара сейчас дефицит. Они требуют натуральный обмен, я тебе уже говорил, надо сдавать бутылки из-под пива.

— Где я возьму столько бутылок? — воскликнул Нодар.

— Принимай, — посоветовал Ислам.

— Я принимаю, но не несут.

— Наверное, слишком дешево принимаешь, поэтому не несут, в другом месте сдают.

— По двадцать копеек принимаю, клянусь, куда еще дороже.

— Значит, приемщики твои «химичат».

Нодар задумался:

— Надо проверить, это ты правильно говоришь.

Он взялся за кувшин, но Ислам остановил его:

— Мне больше не наливай.

— Почему, — удивился Нодар, — не понравилось.

— Понравилось, только я вино не пью, так, только попробовать, у меня от него голова болит, я пью только крепкие напитки.

— Коньяк есть, армянский, хочешь?

— Нет, я на машине, пить не буду, тем более, армянский.

— Ну, как хочешь, друг, — Нодар налил себе вина, сделал глоток, — как с вина может голова болеть, это же вино, — слово вино, он произнес с пафосом.

— Это, смотря, какая голова, — заметил Ислам.

В дверь позвонили, Нодар пошел открывать. Ислам услышал женский голос и приглушенный разговор в прихожей. Затем в комнату вошла высокая стройная женщина лет тридцати, у нее были большие серые глаза, длинный нос пяточком и редкие зубы.

— Познакомься друг, это Зоя, — представил ее Нодар, — помогает мне бухгалтерию вести. Садись, Зоя, выпей с нами вина.

— А я про вас много слышала от Нодара, — радостно улыбаясь, сказала Зоя.

У нее было приветливое лицо, но смотрела она так пристально, что становилось как-то не по себе. Зоя, ничуть не таясь, во все глаза рассматривала Ислама. «Восторженная идиотка», — почему-то решил он, хотя оснований так думать у него не было, видел он ее впервые. С приходом Зои возникла некоторая неловкость, чтобы разрядить ее Ислам предложил выпить. Нодар поспешно схватился за кувшин и наполнил бокалы.

— Ну, давай, друг, за твое здоровье, — произнес Нодар.

— Исламу показалось, что он чем-то смущен. Ислам сделал глоток и поставил бокал на стол.

— Спасибо за угощение, — сказал он, — мне нужно ехать.

— Да подожди, — остановил его Нодар, —

Зоя сейчас уходит, а у меня к тебе еще одно дело есть.

При этих словах женщина вскинула на Нодара быстрый взгляд и поджала губы.

— Да, да, я ухожу, — подтвердила она, в ее голосе слышалась обида. Она поднялась, попрощалась и вышла из комнаты. Нодар пошел ее проводить. До Ислама вновь донеслись звуки короткого приглушенного разговора, затем клацнула железная дверь, и Нодар вернулся. Он был раздражен.

— Что-нибудь случилось, — спросил Ислам.

— Достала эта дура меня, — сказал Нодар, — один раз по пьянке влупил ей, теперь отвязаться не могу, хорошо Нана не подозревает ничего, в прошлый раз муж ее приперся, debil, отношения выяснять, чуть с лестницы его не сбросил. Она оказывается, ему уже призналась, что в меня влюбилась. Так вот пожалеешь человека, подпустишь к себе, а она уже корни пустить норовит.

Нодар сокрушенно покачал головой.

Ислам сказал:

- Жалость — это опасное чувство.

— Да знаю я, — согласился Нодар, — в первый раз я из-за жалости сел. В одном месте сейф взяли, сдуру деньгами сорить начали, кто-то стукнул. Деньги у подельника дома спрятали, когда

нас взяли, он меня попросил на себя все взять, мол, у него ребенок маленький. Я, как дурак согласился, все в абрагов играл. Тем более срок маленький давали, три года всего, но я из тюрем уже не вышел после этого.

— Почему так вышло, — спросил Ислам.

Из-за побега, хоть и не удалось, а срок добавили, а потом пошло-поехало, то в бунте участвовал, то надзирателя избил, в общем, восемнадцать лет просидел, с небольшими перерывами.

Нодар рассказывал с легким раздражением, но Ислам все равно попросил, — расскажи про побег.

Нодар с грустью усмехнулся, — молодой я был, зеленый совсем, домой сильно хотел. План простой был, котлован рыли на зоне, потом бетонировать стали. Бетон на машине самосвале привозили, я шофера из машины выкинул, говорю колесо, спустило, он поверил, дверь открыл из кабины выглянул. Три ряда колючей проволоки у нас было, я рассчитывал на машине протаранить их, первую сетку пробил, а на второй заглохла машина, надо было на второй передаче все время ехать, а я переключился на третью, перегазовку не сделал, короче повязали меня.

Нодар отпил вина, спросил, — налить тебе?

— Нет, спасибо, — Ислам поднялся, — поеду я, спасибо.

Нодар тоже поднялся, — подожди, вместе пойдем, на точку загляну, посмотрю, как торговля идет.

Торговая палатка Нодара находилась в двух шагах от его дома, но он все равно ездил на машине.

— Садись, подвезу, — сказал Нодар, — все равно тебе в ту сторону.

Ислам сел на переднее сидение, «Мерседес» мягко тронулся с места. Дворами выехали на улицу, где между кинотеатром и овощным магазином стояла большая зеленая будка военного образца, из которой бойко торговали пивом. К окошку, выстроилась длиннющая очередь. Вокруг под разноцветными кленами стояли деревянные зонты со столами посередине, вокруг которых пили пиво люди самого разного статуса. Над будкой висела художественно исполненная вывеска, на которой была изображена пенящая кружка пива, унылая вобла и залихватская надпись:

«У Нодара всегда свежее пиво».

— Пойдем, — пригласил Нодар, — посмотришь, что и как.

Изнутри будка была максимально заставлена пивными ящиками. У окошка стояла молодая женщина с тонким шрамом на щеке и принимала деньги, второй продавец отпускал пиво.

— Хорошо идет, — сказал Нодар, — в

субботу три машины продали.

— Из дальнего угла из-за ящиков слышался смех.

— Это кто там, — спросил у продавца Нодар.

— Менты, — шепотом ответил тот.

За штабелями ящиков стояли двое мужчин, и пили пиво, прямо из горла, завидев Нодара, поздоровались и один из них сказал, — вот пивом угощаемся, не против.

— Ну что ты, друг, — укоризненно сказал Нодар, — на здоровье, приходи, когда хочешь. Вот познакомься мой товарищ.

Ислам обменялся с ними рукопожатиями.

Кто это, — спросил Ислам, когда они вышли из будки?

Один из уголовного розыска нашего района, второй участковый, задолбали уже. Если бы ты знал, сколько пива на халяву выпивает местная милиция, ужас.

Увы, знаю, — усмехнулся Ислам, — у тебя они пиво пьют, у меня с собой берут; пиво, сигареты, водку. Причем сигареты только Мальборо, других они не признают, и, что характерно никаких особых льгот я не имею. В тот день, когда истекает разрешение на торговли, патрульные экипажи просто курсируют по нашей улице — вывесим мы новое или нет, если нет, то пол магазина придется им раздать. Ладно, спасибо

тебе за помощь, за угощение. Поеду я.

Ислам попрощался с Нодаром и пошел к своей машине.

Адюльтер

Маша, опустившись на корточки, водила перед собой по полу тряпкой, вытесняя Караева из комнат. Чтобы не мешать ей, он переходил из комнаты в комнату, пока не оказался в кабинете, там он сел в кожаное кресло, положил ноги на край письменного стола. Он думал о вчерашнем разговоре с журналисткой.

Азербайджанцы всегда торговали на московских рынках: — цветы, зелень, фрукты, но в восьмимиллионном мегаполисе их почти никто не замечал, да и цены в советские времена на рынках были такие, что обыватели были на них редкими гостями. Все отоваривались в универсамах, поэтому, когда Караев в студенческую бытность говорил, что он из Азербайджана нередко собеседник спрашивал, — где это? Массовое нашествие азербайджанцев на Москву случилось в начале девяностых, когда во всей республике остановились предприятия, и оставшиеся без зарплаты люди подались на заработки в Россию. В основном это был сельский житель, не отягощенный интеллектом. Вырвавшись из

пуританской среды, они вели себя довольно развязно, громко переговариваясь между собой, задирая женщин и девиц, ни во что, не ставя окружающих. В результате, сразу восстановили против себя москвичей, которые и до них не отличались особой приветливостью и любовью к гостям столицы. В сознании обывателя прочно закрепился нарицательный образ эдакого афериста и мошенника, и. И особенно, к созданию такого имиджа приложили руку получившие свободу слова журналисты. Газеты в погоне за тиражами наперебой публиковали сводки криминальных происшествий, в которых подозреваемые были либо уроженцы Азербайджана, либо выходцы с Кавказа, либо лица кавказской национальности. Даже если свидетели утверждали, что преступники были светловолосыми, то обязательно говорили с кавказским акцентом. Караеву особенно запомнился один случай, когда в драке с продавцами арбузов был ранен олимпийский чемпион по плаванию. В половине первого ночи два спортсмена проезжая на машине, остановились у клетки с арбузами. Спящие в палатке, на ящиках продавцы, их было двое, в час ночи отказались продать им арбуз, при этом одна из девушек, спутниц спортсменов, нечаянно задела ногой гнилой арбуз и он разбился, после этого азербайджанцы напали на спортсменов и ранили

чемпиона ножом, к счастью легко. Так описывали этот инцидент журналисты. Между строк Караев явственно видел другую картину — двух заспанных тщедушных азербайджанцев, вынужденных спать в сентябре на улице, охраняя арбузы, ничего не понимающих спросонок; ужас, охвативший их перед двухметровыми пловцами с широченными плечами, требующих среди ночи открыть клетку и продать им арбуз. Особенно хороша была фраза про гнилой арбуз, она напоминала цитату из фильма «Мимино», когда свидетель утверждал, что подсудимый пошел в туалет, по дороге нечаянно стулом зацепил люстру и разбил ее.

В кабинет вошла Маша, стала протирать пыль.

— С полами я управилась, — сказала она, — можете ходить.

— Ничего, если я еще немного посижу, — попросил Караев.

— Конечно, — разрешила девушка, — можете сидеть, а если хотите, можете даже лечь.

И усмехнулась. «Дерзит», — подумал Караев, несколько дней назад, когда Маша занималась уборкой, он прилег на диван и мгновенно заснул. Уходя, Маша разбудила его со словами — проснитесь, спящий человек беззащитен.

— У вас там шахматы, вы играете? — спросила девушка.

— Очень редко.

— Я тоже давно не играла, — заявила Маша.

— Звучит как предложение, — заметил Караев.

— А вы не хотите? — спросила девушка.

— Мы говорим обиняками.

— А вы предпочитаете прямоту, чтобы все говорилось прямым текстом. Но я же девушка. — В ее голосе не было кокетства, скорее утверждение.

— Неужели, в наше время — это большая редкость.

— Я хотела сказать женщина, дама, а дама только дает понять.

— Хорошо женщина, — согласился Караев, — иди расставляй фигуры.

— А может, вы это сделаете, а я пока закончу здесь и приму душ.

— Может, кстати, знаешь, как чукча женился на европейской женщине и на вопрос, — ну как тебе жена, — ответил, — хорошая, только грязная больно, каждый день моется.

Шутка не возымела успеха.

— Вам воды жалко? — спросила Маша.

— Нет, не жалко, неудачно пошутил, извини. Впредь, когда приходишь ко мне, можешь сразу идти в ванную, — сказал Караев.

— Спасибо, но у нас в общежитии с водой все в порядке. Так мы будем играть в шахматы или вы боитесь проиграть.

— Караев встал и пошел в другую комнату, взял шахматную доску, сел на пол, и принялся расставлять фигуры. Шахматы ему кто-то подарил, он не был заядлым любителем. Последний раз ему довелось играть в армии, двадцать лет назад, играл он тогда довольно сносно, даже знал пару комбинаций, конечно, ему было далеко до Остапа Бендера, с ходу разыгравшего защиту Филидора, но индийскую защиту он тоже знал.

Вскоре появилась Маша, с капельками воды на шее и на лбу со словами, — я готова, мы будем играть на полу?

— Конечно, — сказал Караев, — садись, на чем стоишь.

— У Маши на лице вновь появилась странная усмешка, — Вы думаете, что, сидя на полу вам удастся меня обыграть?

— Садись, не дерзи старшим, — миролюбиво произнес Караев.

— Прямо вам слова не скажи, — укоризненно заметила девушка, садясь, неуклюже пытаюсь сложить ноги по-турецки, — а эту ногу куда сунуть? Помогите, пожалуйста, вон как вы ловко сидите.

— Караев протянул руку, взял девушку за лодыжку и поправил ее.

— Какие у тебя длинные ноги, — заметил он.

— Это комплимент? — Спросила Маша.

— Нет, констатация факта.

— А, чтобы вам не сказать мне комплимент? — в голосе, наконец, прозвучало кокетство.

— Это не входит в программу.

— В какую программу, сегодняшнего вечера? — спросила девушка.

— В программу наших взаимоотношений, — пояснил Караев.

— Я знаю, что я некрасивая.

— Ты белыми играешь, или черными? — спросил Караев.

— Надо разыгрывать, а вы не ответили, — она взяла с шахматной доски две пешки, спрятала за спиной, затем выставила кулачки.

Караев ткнул в один. Белая.

— Вам ходить, — вздохнула Маша, — везет же некоторым.

— Попрошу без зависти, — сказал Караев, делая ход, — длинноногая девушка, не может быть некрасивой или, вернее, девушка с длинными ногами уже красива.

— Наконец-то выпросила, я знаю, что я некрасивая, но все равно спасибо.

— Мария, уймись, — попросил Караев.

— А может быть, вы надеетесь выиграть, — насмешливо спросила девушка.

— Не без этого, — признался Караев.

— А вот это напрасно. Я хорошо играю, в нашей семье я была чемпионом.

— Тебе мат, — объявил Караев.

Маша ошеломленно смотрела на доску.

— Это неправда.

— Правда, горькая, но правда.

— Это, как его, как у вас получилось? Это нечестно!

— Будешь отыгрываться, — спросил Караев.

— Конечно, буду, это у вас случайно получилось.

Расставили фигуры, начали новую партию.

— На этот раз вам не удастся так быстро у меня выиграть, — решительно сказала Маша.

— Хорошо, — согласился Караев, — я выиграю у тебя медленно.

Партия, в самом деле, затянулась. Маша комментировала ходы Караева словами типа, — А вот это вряд ли у вас получится; даже и не думайте; и вы надеялись, что я этого не замечу; рискованный ход; вам в смелости не откажешь.

Это стало раздражать Караева, и он, сделав очередной ход, встал и отправился в кухню. Маша спросила вслед: — Вы что, сдаетесь?

Караев не оборачиваясь, бросил, — коммунисты не сдаются.

Оставшись одна, девушка поднялась, торопливо подошла к лежащей на кресле сумочке,

достала из нее зеркальце, поправила волосы, положила обратно и так же торопливо вернулась на свое место, неловко уселась, пытаюсь скрестить ноги, это ей кое-как удалось.

Появился Караев. В одной руке он держал большую бутылку за горло, а в другой маленький поднос, на котором были две рюмки, солонка и нарезанный лимон. Сел и спросил:

— Выпить хочешь?

— Послушайте, а вы случайно не алкоголик? — подозрительно спросила Маша.

— Не дерзи, — сказал Караев.

— А я не дерзю, то есть держу, дерзаю, как правильно? Я интересуюсь. Кроме шуток, по моему, вы всегда пьете, при мне во всяком случае.

— Ну, что же делать, — опрометчиво заметил Караев, — если мне, как только я тебя увижу, хочется выпить.

Сказал и тут же пожалел об этом.

Нависла пауза, Маша державшая короля, поставила его на прежнее место.

— Послушайте, я знаю, что я некрасивая, но это не дает вам право меня оскорблять.

— Вообще-то я не собирался тебя оскорблять, просто неудачная фраза.

Маша посмотрела на него долгим взглядом, затем встала, пошла в прихожую, стала одеваться. Караев ей вслед бросил:

— Это скрытая цитата из Омара Хайяма, он сказал:

Мне говорят,
поменьше пей вина,
В том, что ты
пьянствуешь, скажи нам,
чья вина,
Лицо возлюбленной
моей повинно в этом,
Я не могу не пить,
когда со мной она.

— Так что каждый слышит то, что ему хочется услышать.

Маша в нерешительности остановилась.

— Давай, поворачивай обратно, ты не права, я тебе уже все доказал.

Девушка повесила плащ обратно на вешалку, вернулась.

— Прямо у вас, как у Высоцкого: «Я тебе уже все доказал».

— У нас, как у Караева.

— В самомнении вам не откажешь. А вы даже не встали.

— А ты хотела, чтобы я побежал за тобой,

стал уговаривать, да?

— Девушки любят, когда их уговаривают.

— Пить будешь? — спросил Караев.

— Вообще-то я не пью, — колеблясь, сказала Маша, — тем более самогон.

— Ты на этикетку посмотри, — предложил Караев, — читать умеешь, или у вас на экономическом только считать учат, ну?

Маша отдельно по слогам произнесла:

— Си-ерр-а, голд.

— Ниже.

— Те-ки-ла, текила. А с виду самогон, очень похожа по цвету.

— У меня есть два объяснения на этот счет.

— Ну, не такая уж я глупая, — иронически заметила девушка, — мне и одного хватит.

— Во-первых, несмотря на все многообразие жизни, в природе существует всего-навсего семь цветов; — во-вторых, в вашей деревне, видимо, кроме самогона отродясь ничего не пили, поэтому почему тебе знать.

Маша покачала головой.

— А вы злой, не упустите случая поддеть провинциальную девушку, и, между прочим, я не из деревни, к вашему сведению, а из города.

— Провинция, это не обязательно деревня, — сказал Караев, — я сам тоже провинциал, обидного в этом ничего нет, и вообще мир держится на

провинциалах. Однако трения затянулись, пить будешь?

— Нет, не буду, я не пью, тем более с работодателем.

— Это правильно, — согласился Караев, — мне надо брать с тебя пример, а то я пью, с кем попало, с подчиненными, с ментами.

Он налил в рюмку текилу, насыпал соль на основании большого пальца, положил рядом дольку лимона. Маша, наблюдая за его приготовлениями, заметила.

— А, чтобы вы не думали, что я ничего в этом не понимаю, знайте, что я все пробовала, и вино, и коньяк, и виски. И в ресторан меня часто приглашали, только я не ходила, знаю я, чем эти рестораны кончаются.

— Ну, это зависит от того, с кем ты идешь.

— Согласна. Вот только текилу я не пробовала, хотя слышала о ней много, модная выпивка, так интересно вы делаете.

— Налить, — спросил Караев.

— Налейте, только символически, попробовать, больно вкусно у вас, получается, — сдалась Маша.

Караев наполнил вторую рюмку, посолил ее большой палец, протянул дольку лимона.

— В общем-то, ты права, — запоздало согласился Караев. — Это в самом деле, самогон,

только мексиканский, и гонят его из кактуса, смешно, да, Остапу и не снилось, — он взял рюмку, — значит так, — надо выпить, понюхать лимон, слизнуть соль, и съесть лимон. За что пьем?

Маша пожалала плечами;

— А вы скажите тост, вы же южный человек, у вас тосты цветистые, длинные, красивые.

— За ацтеков, — сказал Караев и выпил.

— Ничего себе, длинный и цветистый, — насмешливо сказала Маша, — а еще южный человек.

— Тост понятие не ментальное, а географическое, — сказал Караев, — русские пьющие на юге, тоже говорят долго и красиво, прибегают к притчам и к метафорам, а азербайджанец пьющий в России, не должен испытывать терпение сотрапезников, побить могут. Хочешь, два анекдота расскажу?

— Целых два, а вы щедрый, ну расскажите.

— Мужики соображают на троих, водка у них есть, а из закуски только сухарик. Первый выпил, со словами — ну будем, понюхал сухарик, передал второму, второй также, а третий сказал тост и съел сухарик. Слушай, ему говорят, мало того, что ты болтун, но ты еще и обжора.

— Смешно, — сказала Маша, — а второй?

— Хватит одного, я передумал, пей.

Маша выпила текилу, слизнула соль, съела

лимон, сощурился от кислоты глаза.

— Вкусно, — наконец произнесла она, — не ожидала.

— Ты ходить собираешься? — спросил Караев.

— Разве мой ход? — удивилась Маша.

— Твой, ходи.

Маша сосредоточилась на шахматной доске.

— Давно хочу тебя спросить, — начал Караев, — почему ты приносишь с собой шерстяные носки.

— Я в них уборку делаю.

— Я это заметил, но зачем, я всегда предлагаю тебе тапочки, ты отказываешься, и натягиваешь свои нелепые, извини, носки.

— Ничего они не нелепые, я их сама вязала, мне так удобно, чистая шерсть, они меня заряжают энергетикой.

— Послушай, ты так молода, — засмеялся Караев, — что тебе рано, еще думать о зарядке, скорее тебе надо разряжаться. У нас в школе был один учитель, очень флегматичный человек, который, глядя, как мы скачем и толкаемся, всегда говорил, что в нас столько энергии, что если к нам подключиться, то можно будет осветить небольшой поселок, кажется, тебе опять мат.

— О нет, — воскликнула девушка.

— О да, — уверил Караев.

— Где мат, я не вижу?

— Ну, конечно, глаза залила, где тебе видеть.

Маша двигала королем в разные стороны, пытаясь найти выход.

— Действительно мат, — отчаянно сказала девушка, — нет, не верю, так нельзя это не честно, я этого не переживу.

— Хочешь, я тебя обматерю, чтобы ты поверила? — предложил Караев.

— Зачем это? — испугалась девушка.

— Ни зачем, игра слов, мат — мат, шутка.

— Ну и шутки у вас. Только все равно это нечестно.

— А что же здесь нечестного?

— Да, вы меня заговорили своими разговорами, и я играла невнимательно. Вы мешали мне думать.

— А ты, что, не можешь разговаривать и думать одновременно? — поинтересовался Караев.

— Нет, не могу, это вы у нас Цицерон, — в сердцах сказала Маша.

— Ты что имеешь в виду, мой ораторский дар.

— Нет, то, что вы говорите одно и думаете другое.

— Тогда, наверное, Юлий Цезарь, — предложил Караев, — правда, он еще читал и писал, кроме того, что говорил и думал; спасибо, конечно, за комплимент, но все-таки мне до него далеко.

— Мне от этого не легче, черт, что попало, даже настроение испортилось, — расстроилась Маша.

— А ты выпей с горя, сразу легче станет, — предложил Караев.

— А-а, наливайте, — махнула рукой девушка.

— Караев наполнил рюмки, — еще партию? Бог любит троицу.

— А я все равно не отыграюсь, даже если выиграю сейчас, будет два один.

— Ну, до утра времени много, как знать?

— А мы до утра играть будем, интересно.

— Это, как игра пойдет.

— Да нет, мне пора в общежитие, хотя, давайте еще одну партию.

— За Кецкоалтля, — сказал Караев, подняв рюмку.

— Господи, а это кто еще.

— Это все там же в Мексике.

Маша протянула сжатый кулачок Караеву.

— Что?

— Соль, лимон, — приказала девушка.

Когда выпили, Караев попросил:

— Слушай, ты не могла бы говорить мне ты, а то я себя чувствую, как-то неловко.

— Мне неудобно, — призналась Маша, — вы меня старше, наверно в два раза.

— Это делается просто, пьем брудершафт и

переходим на тебя.

— Вы уверены.

— Ты не могла бы не употреблять эти американские словечки, они меня нервируют.

— Какие словечки?

— Вы уверены; о нет; даже и не думайте.

— Какой же вы чувствительный, хорошо я постараюсь.

— Буду тебе признателен. Ну, что пьем на брудершафт.

— Как, опять пьем?

— С пустыми рюмками брудершафт не получится.

Караев вновь наполнил рюмки, они переплели руки, выпили и повторили обряд слизывания соли и поедания лимонных долек.

— Ну, вот, — щурясь, сказал Караев, теперь можешь говорить мне ты.

— Кажется, там еще полагается целоваться, — неуверенно произнесла девушка.

— Ну, вот, все знаешь, а изображаешь из себя провинциалку.

— Я давеча в кино видела, — смущаясь, сказала девушка, — или вы не хотите потому, что я некрасивая.

— Мария, самоунижение хорошо в разумных пределах, просто, как ты знаешь, я нерусский, откуда мне знать ваших немецких обычаев.

Он медленно наклонился к девушке, осторожно прикоснулся к ее губам и отстранился.

После недолгой паузы сказала:

— Знаете, а мне понравилось, — она поднялась на колени, взяла Караева руками за голову и приникла к губам долгим поцелуем.

Легкая растерянность и неискренность именно эти качества ценил Караев в девицах, они наполняли его благовением. Испуг в ее широко раскрытых глазах, когда он пытался овладеть ею, а Маша вновь и вновь ускользала из его объятий. На то чтобы сорвать стон блаженства с девичьих губ, ушло полночи, Караев был почти уверен, что оказался первым мужчиной в ее жизни.

— Только не думайте, что вы лишили меня девственности, — вдруг произнесла Маша, — у меня уже был мужчина, — и пока Караев постигал смысл сказанного, добавила, — правда такое со мной впервые, я не знала, что это может быть так хорошо.

Я не думаю, что сейчас самое подходящее время для воспоминаний, — заметил Караев.

Эта особенность современных девушек убивала его, при первой же близости они торопились вывалить о себе все подробности, словно находились не на свидании, а на явке с повинной.

Но, Маша, словно не слышала его:

— У нас любовь была, настоящая, мы расставались только на сон, мы целый год встречались, я у него спросила и оказалось, что он тоже никогда этого не делал, и я сама предложила ему трахнуть.

— О, Господи.

...И знаете, нам это удалось с большим трудом.

— Умоляю, не надо деталей, — взмолился Караев.

— Я и не собиралась рассказывать подробности, а знаете, я до сих пор его люблю.

— Я рад за него, — с кривой усмешкой произнес Караев, — зачем же вы расстались?

— Он вдруг признался, что больше не любит меня, — горько сказала девушка, — и предложил встречаться — просто для секса, а я так не могу.

— Я смотрю, он был парень не промах, — заметил Караев.

— А вы знаете, он тоже был кавказец.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего, — Маша пожала плечами, при этом одеяло сползло вниз, обнажив маленькую грудь, девушка торопливо закрылась.

— Ты питаешь слабость к брюнетам, — спросил Караев.

— Нет, это просто совпадение, опять же вы не

очень-то брюнет.

Караев приподнялся и заглянул в зеркальный шкаф, стоящий у стены.

— Это сейчас у меня серебро в лице появилось, а раньше был жгучим брюнетом.

— И многих вы сожгли, — кокетливо спросила Маша.

— И не сосчитаешь.

— А знаете, мы с Ашотом оба были девственниками.

— Как, — в притворном ужасе воскликнул Караев, — он был армянин?!

— Да, а как вы догадались, — удивленно спросила Маша.

— Это трудно было сделать, такое редкое имя. Неужели мне дорогу перешел армянин, нет, я не переживу этого.

— Почему, — удивилась Маша.

— Сначала они оттяпали у нас Карабах, а теперь и до девушек добрались, какой удар. Я должен срочно выпить.

Он поднялся и вышел из спальни. Когда вернулся, с рюмкой в руке, Маша спала, или делала вид. Караев вдруг почувствовал к ней жалость, потому что спящий человек беззащитен. Он тихо присел у изножья, но кровать скрипнула, и девушка открыла глаза.

— Извини, я тебя разбудил.

— Вас так долго не было, что я задремала.

— Знаешь, что я вспомнил. У меня был друг в юности, он был влюблен, и я сейчас припоминаю, девушка была армянкой.

— Неужели, бедный, представляю какво ему было, вы ведь над ним тоже издевались.

— Да нет, представь себе, в то время мы жили дружно с армянами, да и я был добрее.

— Как интересно, расскажите. Пожалуйста.

— Ну не знаю, это долго.

— А вы куда-то торопитесь? Я нет, до утра времени много.

— Пожалуй, — задумчиво сказал Караев, — расскажу, сейчас только название придумаю.

— А без названия нельзя разве?

— Нет конечно, что это за рассказ без названия. Никак невозможно. Историю эту мы назовем: — «Любовь и голуби».

— Это плагиат.

— Ну что поделатъ, в этой истории тоже была любовь, и были голуби. Повесть мы назовем, — любовь и голуби. Или, если хочешь — любовь энд голуби. Или, чтобы совсем уже обойти закон об авторском праве — повесть о любовном томлении и голубиной стае. Итак, дело было в Баку, весной 1975 года — начал Караев.

— Какой ужас меня еще на свете не было.

— Я и мой приятель Али, маялись от

безделья, или вернее коротали время, оставшееся до ужина, разглядывали прохожих...

Повесть о любовном томлении и голубиной стае

Али сказал, указывая куда-то вниз:

— Я бы ее проводил.

— Ислам приподнялся на локте, посмотрел в указанном направлении и увидел женщину, переходящую дорогу.

— Старая, — сказал он.

— Ты глупый мальчишка, — снисходительно заметил Али, — и ничего, подчеркиваю, ничего не понимаешь в женщинах: конечно, она старовата, ей лет тридцать не меньше, но это же самый кайф. Знаешь хохму, один другому говорит: «Немножко денег и я достану тебе самую сексуальную женщину на свете». Тот платит и получает семидесятилетнюю бабушку, и при этом слышит, мол, у нее лет тридцать уже не было мужчин, представляешь, сколько страсти в ней накопилось.

Али захохотал и стал двигать плечами, подражая походке женщины.

— Не смешно, к тому же она худая.

— Кто, бабушка? — недоуменно спросил Али.

— Эта тетка внизу, — пояснил Ислам.

— Нет, все-таки ты безнадежен, — огорчился

Али, — разве ты не знаешь поговорку «Носить надо чарых², а любить надо худых».

Ислам достал из кармана пачку «Интер» и протянул Али. Тот щелчком выбил сигарету, закурил и замолчал. Может и мне дашь прикурить, — язвительно спросил Ислам.

— Извини, склероз начинается, — сказал Али и пояснил, — склероз — это старческое слабоумие, если ты русский плохо знаешь, — и ухмыльнулся, потому что сам говорил по-русски с жутким акцентом и часто путал слова. И вообще он был даже не азербайджанец, а лезгин.

— Это я-то плохо русский знаю, да меня, если хочешь знать, везде за русского принимают, даже на нервы действует, — возмутился Ислам. Зато ты я вижу русский в совершенстве изучил рифмуешь его с азербайджанскими словами.

Али не ответил, откинулся на спину и стал мастерски пускать табачные кольца. Они лежали на крыше трехэтажного здания, в котором размещалось общежитие профтехучилища. Лежать было не очень удобно, поскольку кровля была покрыта по современному, — шифером, а не залита киром, и поката. Поэтому чтобы не свалиться, они упирались ногами в железную ограду, идущую по

² Чарых — вид национальной азербайджанской обуви.

периметру крыши.

— Только май месяц, а солнце уже печет, что летом будет, — сказал Ислам.

— Летом будет жарко, — уверенно заявил Али.

Ислам посмотрел на него и заметил:

— До чего же ты умен, каждый раз удивляюсь.

— А у нас в семье восемь человек детей, — гордо сказал Али, — и все такие.

— Ничего себе, восемь человек, пахан твой, маму совсем не жалел, разве можно такую нагрузку человеку давать?

— Это не нагрузка, это любовь, а от любви бывают дети, чтобы ты знал, — ответил Али, и добавил, — жрать хочется, умираю уже, а до ужина еще целый час.

— Кури, легче станет.

— Черта с два, мне от сигарет еще больше жрать хочется.

Он приподнялся на руках и сел, озирая окрестности, затем воскликнул, — смотри, Виталик к чувихе клеится.

Ислам тоже сел и стал смотреть. За небольшим пустырем стоял жилой дом, вдоль которого, держась от девушки на расстоянии, шел Виталик, сосед Али по комнате.

— Он ее уже неделю фалует, — сказал

Али, — у нее брат голубятник, его Черемисин знает.

— Сколько времени? — спросил Ислам.

— Полшестого.

— Пойдем на ужин.

— Еще полчаса.

— Погуляем.

— Ну, пойдем, — согласился Али.

Через смотровое окно влезли на чердак, хрустя ракушечником, которым был засыпан пол, пробрались к люку и по железным скобам спустились на лестничную клетку.

В общежитии преобладали два вида запахов: в помещениях пахло соляжкой, оттого, что ею часто протирали полы, застеленные линолеумом, для блеска, а на лестничных клетках, мочой, поскольку там находились вечно засорённые туалеты.

Друзья проследовали на первый этаж, прошли мимо комнаты дежурного по общежитию, где на вахте сидела Эльза, одинокая бездетная женщина не первой молодости, бывшая предметом вожделения обитателей общежития, что не замедлил подтвердить Али, который при виде Эльзы тут же застонал, положив руку на сердце. Эльза улыбнулась и погрозила ему пальчиком. Ей, безусловно, было приятно внимание мальчишек,

которые как только не называли ее: и пери³, и джейран, и мелеке⁴. Она притворно сердилась и говорила: — «utanun⁵». Впрочем, Али трудно было причислить к мальчишкам, в семнадцать лет он уже был высок и обладал мощным мужским торсом, правда его фигуру несколько портили непропорционально короткие ноги.

— Пойдешь с нами ужинать? — галантно спросил Али.

Эльза ослепительно улыбнулась, показав все свои вставные зубы:

— С удовольствием мальчишки, в какой ресторан вы меня поведете?

Али криво улыбнулся и сказал:

— Вопросов больше не имеем.

Повернулся спиной к смеющейся Эльзе и вышел на крыльцо. За ним, ухмыляясь, шел Ислам.

— И ничего смешного, — сказал Али, и добавил, — между прочим, ее сам коротышка харит, а кто я такой против него.

— Это вряд ли, — заметил Ислам, —

³ Фея, символ женской красоты (азерб.).

⁴ Принцесса (азерб.).

⁵ Стыдитесь (азерб.).

коротышка моложе ее, на что она ему.

«Коротышка» — была кличка директора ПТУ, маленького и толстого Ибада Ибадовича.

Али открыл, было, рот, чтобы возразить, но тут увидел Виталика, сидевшего на скамейке возле крыльца.

— Э-э, — удивленно воскликнул он, — токо, что тебя с крыши с «телкой» видели, а ты уже здесь сидишь.

— Я напрямик, по пустырю, — объяснил Виталик, — и через забор. На ужин идете? Я с вами.

За зданием находилась волейбольная площадка, где игроки перекидывались мячом, рядом футбольное поле, через которое, живым ручейком тянулись учащиеся, занимать очередь на ужин. Из группы болельщиков отделился один человек и подошел к ним. Это был второй Виталик, Большой, как окрестил его Ислам, чтобы не путать с другим Виталиком, хотя роста они были одинакового. Виталик Большой был юношей плотного телосложения, уступал в силе только Али, тогда как Виталик Маленький был худ до неприличия, Кожа да кости, Но при этом, руки у него были мускулистые, в драках наносил удары, такие сильные и быстрые, что приводил в недоумение противника.

— Кушать идете? — спросил Виталик

Большой, — я с вами.

— А в ресторан не пойдешь? — спросил Али.

— Отвали, — сказал Виталик Большой.

Его родной дядя работал шеф-поваром в ресторане у метро «Гянджлик», куда он время от времени ездил. Шеф кормил его человеческой едой, и это обстоятельство вызывало у Али зависть, потому что он больше всех страдал от постоянного чувства голода, вследствие скудного казенного питания. Из столовой тащили, то бишь воровали все, от начальства до поварят.

— Слушай, счастливчик, — воскликнул Али, — у тебя есть шанс поиметь Эльзу.

Виталик, ожидая подвоха, настороженно посмотрел на него.

— Своди ее к дяде, и она будет твоей, она сама так сказала, клянусь твоей жизнью.

— Ара^б, во-первых, клянись лучше своим жирным брюхом, во-вторых, мне твоя Эльза сто лет не нужна, в-третьих, отвали от меня пока в лоб не получил.

— Ты слышал? — спросил у Ислама Али. — Нет, ты слышал, что эта мелюзга себе позволяет. — И, обращаясь к Виталику, — во-первых, пацан, чтоб ты знал, это не брюхо, это мышцы, пресс

^б Обращение к мужч. (армянск.).

называется, во-вторых, если тебе Эльза не нужна, почему на нее кидаешь по ночам, а в-третьих, до моего лба сопля тебе еще достать надо.

— Это твой папа на Эльзу кидает по ночам, — возразил Виталик Большой.

— Вы все слышали? — спокойно сказал Али, — этот щенок оскорбил моего отца, поэтому мне ничего не будет за то, что я его сейчас убью, вы все будете свидетелями.

С этими словами он бросился на Виталика. Противники вошли в клинч, и, кряхтя от напряжения, принялись топтаться на месте, пытаясь свалить друг друга.

Ислам и Виталик Маленький, спокойно переговариваясь, пошли дальше, не обращая на них внимания. Запыхавшиеся, Виталик и Али догнали их в конце поля, и как ни в чем не бывало пошли рядом.

— Твое счастье, что они ждать не стали, — тяжело дыша, — объяснил Али, — они же свидетели, я без них тебя «замочить» не могу, посадят. Считай, что ты в рубашке родился.

В столовой стоял резкий запах жженого сахара, им повара заваривали чай. В котел кидали половину маленькой пачки грузинского чая, для правдоподобия, чтобы плавали чайники и выливали половник жженого сахара, который давал

прекрасный рубиновый цвет, словно заваривали индийским чаем со слонами. Собственно, ужин также не отличался изобилием. На столах было то же, что и всегда: пшенная каша, сдобренная жарким в виде пары косточек, с которых было заботливо срезано мясо, чтобы учащиеся не утруждались, и ложкой подливы. За три года жизни в училище Ислам так и не смог одолеть, ни пшенную, ни перловую кашу, подбирал хлебом подливу, выпивал эрзац- чай, и вставал из-за стола, с пустым желудком, и чистым сердцем.

После ужина они сидели в комнате Ислама и слушали Виталика Маленького, который рассказывал о своих успехах.

— Как думаешь, даст? — спросил Али.

Виталик открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент вошел Черемисин. Все замолчали и стали смотреть на него. Никто не знал его имени. Круглолицый, маленького роста он всегда был на побегушках, правда, в свете последних событий знакомство с братом девушки, придало ему значительности, он словно стал выше ростом.

— Сигареты нету? — спросил Черемисин.

Все разом полезли по карманам, но он взял сигарету у Али. Вкусно затянулся и выпустил дым из носа, затем посмотрел на Виталика Маленького и сказал:

— Джульетты брат сказал, что, если еще раз тебя увидит с сестрой — ноги переломает.

— Я его маму так, и эдак, — быстро ответил Виталик Маленький, надеясь отвлечь внимание ребят, но сделать это не удалось. Все стали, ухмыляясь смотреть на него.

— Что уставились? — разозлился он.

— Ее, что же, зовут Джульетта? — спросил Виталик Большой, едва сдерживая смех, — что ж ты молчал, получается, что ты теперь Ромео.

— Поэтому и молчал, знал, что вы смеяться будете как дикари. А кто назовет меня Ромео, сразу получит в лоб.

— Кроме Черемисина, который меньше всех был склонен назвать Виталика Ромео, угрозы никто не испугался, но смеяться все же никто не стал.

— А почему Джульетта? — вновь заговорил Виталик Большой, — она, что итальянка что ли, а?

— Армянка, — нехотя ответил Виталик Маленький.

— А, ну тогда все ясно.

— Что тебе ясно, — спросил Али.

— Ничего, просто у них очень красивые имена, кого не спроси, обязательно Анджела, Кармен, Артур, или Гамлет, очень они любят Шекспира. Джульетта, правда, мне еще не встречалась.

— Кармен написал не Шекспир, — сказал

Ислам.

— А кто?

— Мериме.

— Кто?

— Мериме, Проспер Мериме.

— А Джульетту кто написал?

— Самед Вургун⁷, — сказал Ислам, но, увидев, что Виталик Большой схватился за сердце, быстро сказал, — шучу.

Виталик шумно перевел дух, и попросил:

— Не шути так больше.

— Не буду, — пообещал Ислам, и спросил у Черемисина:

— Так, что ты говоришь, этот козел сказал?

— Он сказал, что, если вот его, — показывая на Виталика Маленького, и видимо, испытывая тайное удовольствие, повторил Черемисин, — еще раз увидит, ноги переломает.

— Я его маму так и эдак, — повторил Виталик Маленький.

— Надо с ним поговорить, — задумчиво сказал Ислам, — по-мужски. Может, поймет.

Он оглядел присутствующих. В следствии травмы полученной в недавней драке у него было повреждено одно веко и от этого один глаз казался

⁷ Советский азербайджанский поэт.

открыт больше другого, собеседнику казалось, что он подмигивает.

— Как «по-мужски»? — спросил Али, — мочить будем?

Виталик Большой потушил сигарету и спросил:

— Вчетвером одного?

— Ишь ты, какая цаца, — возмутился Али, — вчетвером одного, а когда они наших ловят по одному, целой шоблой, это ничего? Ислама на Кубинке десять человек в кольцо взяли, чуть глаз не выбили, хорошо, да?

— Зачем бить, бить не будем, — вмешался Ислам, — я сказал, поговорим, объясним, что человек влюблен, девушка не против. Вчетвером даже хорошо. Оценит, что не тронули. Вы согласны? Поднимите руки, кто согласен.

Виталик Маленький и Али подняли руки, Виталик Большой выдержал паузу, давая понять, что он не вполне согласен и, что у него есть свое мнение, но все же не стал отрываться от коллектива, взялся за ухо, да так и оставил руку в воздухе. Все посмотрели на Черемисина, который в свою очередь посмотрел на дверь. Но между ним и дверью сидел Али, и, хотя вид у него был довольно миролюбивый, Черемисин каким-то необъяснимым чувством понял, что мимо него ему не перейти. Тогда он сказал, запинаясь.

— Рубен мой друг.

— Рубен, — удивился Ислам, — почему Рубен, почему не Гамлет или Ромео, почему, в конце концов, не Тибальд, или Меркуцио, отчего такая непоследовательность?

— Ромео у нас уже есть, — заметил Виталик Большой.

— Попридержи язык, — сказал Виталик Маленький.

Виталик Большой лучезарно улыбнулся, сводя угрозу на нет; обезоруживающе улыбнулся.

— Друг, говоришь? — зловеще спросил Али, — ах ты двурушник несчастный, чай наш пьешь, а он друг. Когда тебе в столовой карабахские хвост прищемили, ты к кому жаловаться побежал к своему другу, или к нам, а? — рявкнул он.

Черемисин нахохлился, и казалось, стал еще меньше. В качестве последнего довода Али поднес к носу Черемисина огромный кулак.

— Ну, хорошо, — чуть не плача согласился Черемисин.

Исламу стало жаль его и он сказал:

— Ты не расстраивайся, Черемисин, я же русским языком объяснил, бить мы его не будем, просто поговорим. Ты же передал слова Рубена Виталику, теперь передай пожелание Виталика Рубену. Виталик, что ты хочешь передать Рубик-

джану?

— Я его маму так и эдак, — сказал Виталик.

— Слушай, что ты прицепился к его маме? — раздраженно сказал Ислам, — говори по делу.

— В самом деле, — поддержал Ислама Виталик Большой, — ты бы определился, в конце концов, кого ты хочешь больше маму, или дочку.

— Кого хочу, тебя не касается, — огрызнулся Виталик Маленький, — захочу ее бабушку хотеть буду, не твое собачье дело.

— Человек ждет твоего пожелания Рубену, — сказал Ислам, показывая на Черемисина.

Виталик маленький задумался, потом произнес:

— Черемисин, передай Рубену, что я его...

— Нет, я больше не могу этого слышать, — взмолился Виталик Большой.

— Да я не маму, — взорвался Виталик Маленький, — я сестру, Джульетту ждать буду, пусть передаст братухе.

— Слыхал Черемис, — сказал Ислам, — передай своему другу, что этот дерзкий мальчишка не испугался его угроз, и ждет Джульетту на свидание. Где ты ее ждать будешь?

— Под фонарем, — нехотя пробурчал Виталик Маленький, — напротив общежития политехникума.

Ему эта затея была как-то не очень по душе,

но идти на попятный он уже не мог.

— А когда? — спросил Черемисин.

— А прямо сейчас, — Ислам взглянул на часы, — скажи, что передал все, как он велел, а этот наглец рассмеялся тебе в лицо, нет в макушку и сказал, что у него с Джульеттой свидание в двадцать один ноль-ноль. А то, что он про маму, и тем более про бабушку говорил, не передавай, ни к чему. Давай дуй.

Черемисин стрельнул напоследок еще одну сигарету, заложил ее за ухо, тяжело вздохнул и направился к дверям. Когда он взялся за ручку, Виталик Маленький остановил его:

— Тормози, сегодня пятница, она на дачу поехала с родителями.

— А Рубен дома, — сказал Черемисин.

— А кого я, по-твоему, ждать буду, если ее нет?

— А-а, — сказал Черемисин.

— Эх, черт, а я уже настроился, — произнес Али.

— Операция переносится на понедельник, — сказал Ислам.

— Тогда пойдем к автобусной остановке сходим, — предложил Али.

— Что мы там не видели? — спросил Виталик Большой.

— Пристанем к кому-нибудь, морду набьем.

— Смотри, как бы тебе не набили, в понедельник.

— А ты не каркай.

— У него друзей очень много, — сказал Черемисин, — голубятники друг за друга знают, как стоят.

— Черемисин свободен, — приказал Али, — до понедельника на глаза мне не показывайся, понял?

— Понял, — кротко ответил Черемисин.

— Иди спать.

Черемисин, пожелав всем спокойной ночи, вышел из комнаты.

— Тогда пойдем к женскому общежитию, — предложил Али, — снимем кого-нибудь.

— А деньги у тебя есть? — спросил Виталик Большой.

— Рубль есть.

— За рубль только у вас в деревне «телку» снять можно. А здесь столица, за рубль тебе никто не даст.

— Это у вас в деревне телки за рубль дают, — вдруг обиделся Али за свою деревню. А в нашей деревне «телок» нет, — помолчав, справедливости ради добавил, — у нас сразу старухами рождаются, поэтому я в Баку и приехал, как лосось, на зов инстинкта.

Утром, в половине восьмого, Ислам был у ворот винзавода. Кроме него, вдоль красной кирпичной стены стояли, или прохаживались еще с десяток поденщиков, среди которых были и пацаны, и взрослые. Большинство из них работали с постоянными шоферами и были спокойны за хлеб насущный. Ислам же мог приходить сюда лишь по выходным и всякий раз, выступал в роли запасного игрока; водители, оставшиеся по какой-либо причине без грузчика, оглядывали их как рабов на рынке, и манили пальцем счастливчика. Платили хорошо, червонец пацану, полтора взрослому; но и труд был рабский, в смысле тяжелый, весь день таскать ящики с бутылками. Здесь многое зависело от везения, водка была самым желанным грузом, легкие проволочные ящики с пол-литровыми бутылками, а самым ненавистным тяжеленное шампанское в деревянных неподъемных «гробах».

Ислам посмотрел на часы, после восьми ждать уже не имело смысла. Его шансы умаяло еще то обстоятельство, что среди оставшихся немногих соискателей он был самым тощим. Еще пять минут.

— Эй, парень.

Из кабины ГАЗ-51 на Ислама смотрел круглолицый, гладковыбритый мужчина лет сорока с короткими пышными усами. Шофер мотнул головой, приглашая в кабину. Ислам не заставил себя ждать, с достоинством подошел, влез и

захлопнул за собой дверь. В кабине уже сидел один крепыш, лет двадцати пяти. Прямо перед ним, в углу лобового стекла висел двухсторонний портрет Сталина.

Игоря выгоню, клянусь мамой, выгоню, — в сердцах произнес шофер, — такого дня нету, чтобы он не опоздал. Зачем он сюда ходит, я не понимаю, весь день работает, вечером пьет, утром на работу опаздывает.

— Театр абсурда, — произнес Ислам.

— Что? Да, абсурд, конечно абсурд, — согласился шофер.

— Kerim, oghlan savatdydyr, а⁸, - насмешливо добавил он, обращаясь к напарнику Ислама.

— Тот ухмыльнулся и в ответ сказал.

— Bizim ishimizde savad lazym deyil, guyu lazymdyr⁹.

Шофер повернул ключ зажигания, выжал педаль стартера и несколько раз газанул, добиваясь устойчивой работы двигателя.

— Подожди, — сказал Керим, — вон Игорь бежит.

⁸ Керим, а парень-то грамотный (азерб.).

⁹ В нашей работе образование не нужно, сила нужна (азерб.).

Из-за угла действительно показался торопливо идущий мужчина в очках.

— Выходи образовонский, — насмешливо сказал напарник.

Шофер взглянул на Ислама, тот вздохнул и ни слова не говоря, взялся за ручку.

— Сиди на месте, — сказал шофер, и добавил, — Керим, oz ishive bah¹⁰. Игорь пускай теперь весь день бежит, зад перед.

Он со скрежетом воткнул передачу и въехал в ворота.

На территории винзавода машина остановилась на небольшой площади перед массивным зданием производственного корпуса, где уже находилось около десятка грузовиков. Дождавшись своей очереди, сдал машину задним ходом к эстакаде, на которой было установлено несколько ленточных транспортеров.

— Давай разгружай, — сказал шофер и куда-то ушел.

Керим поднялся на эстакаду и, заглянув в проем, в который уходила черная прорезиненная лента, кликнул кого-то. Появился парень, выглянув, удостоверился в том, что машина стоит под

¹⁰ Керим, не лезь не в свое дело (азерб.).

разгрузку, включил рубильник и нажал кнопку выключателя. Тем временем Ислам взобрался в кузов, который был загружен пустой стеклотарой.

— Давай, ала *bashta*¹¹, — сказал ему Керим, — и добавил, — *Allah Muhammad Ya Ali*¹².

Ислам бережно взял ящик и поставил его на ленту, затем другой, третий. За ним насмешливо наблюдал Керим. Когда в кузове высвободилось достаточно места для двоих, он влез в кузов, стал хватать ящики и швырять их на транспортер ростно и немилосердно, говоря:

— Вот как надо, а так весь день разгружать будем.

Ислам пожал плечами: «Посуда же побьется». «Не побьется, давай, давай, сейчас придет, орать будет». Ислам последовал его примеру. Вскоре появился шофер и издали стал кричать:

— Ала, что заснули там! Быстро, быстро, товар разберут, — и, встав на подножку, стал раскуривать папиросу.

Бросив последний ящик на ленту, взмокший Ислам спрыгнул на землю, и влез в кабину. Вождь с

¹¹ Начинай (азерб.).

¹² Религиозная формула: Прибегаю к помощи Аллаха, пророка Мухаммада и имама Али.

усмешкой смотрел на него. Шофер завел двигатель, перегнал грузовик к другой стороне здания, к складу готовой продукции, и подал машину к другому транспортеру. Вылез из машины, вынудив Ислама последовать за ним. Шофер поднялся на эстакаду, вручил кладовщику наряд и бросил на Ислама красноречивый взгляд. Едва переведя дух, Ислам полез в кузов. Из стенного проема выплыл первый ящик водки.

— Двести ящиков, — сказал шофер, — ты тоже считай.

Ислам кивнул и принял ящик на живот, сделал три шага, поставил к заднему борту: затем другой, третий, ящики выползали со склада медленно и с равными промежутками, но Исламу казалось, что они появляются с невероятной быстротой; он едва успевал поставить ящик и вернуться, чтобы подхватить новый. Боковым зрением он увидел, как из-за угла здания показался его напарник Керим, он шел неторопливо, дымя сигаретой. Шофер стоял у ленты с потухшей папиросой в зубах и указательным пальцем совершал короткие движения, ведя счет проплывающему товару. Подойдя к машине, Керим взобрался в кузов, со словами «покури» он отстранил Ислама, успевшего к тому времени выстроить два ряда, стал грузить сам. Ислам прислонился к борту, вытер пол со лба, сердце бешено колотилось в груди и дрожали

колени.

— Вдвоем тесно работать, — сказал Керим, подмигивая, — и оскалился в улыбке.

Тяжело дыша, Ислам смотрел, как он словно играючи подхватывал ящики с водкой, три шага, и укладывал их друг на друга. Ислам никогда не считал себя слабаком, но сейчас он понял, что по части физической силы ему еще есть к чему стремиться; невысокий и коренастый Керим двигался, не зная усталости.

Поймав взгляд Ислама, он еще запел мейхана

Moskovskiy olaydyn
Ryumkalara dolaydyn
Yoldan kechen gizlara
Nishanly men

olaydym¹³.

Шофер смотрел на них, пряча в усах улыбку. День начинался неплохо, сразу же получил наряд на доставку водки, за такой товар завмаги

отстегивают охотно, не скупясь, а ведь могли полдня на заводе проторчать, на внутренних рейсах, склад-вагон, склад-вагон. Транспортер остановился, шофер еще раз пересчитал ряды вдоль, перемножил на высоту, дал рубль кладовщику, хлопнул в ладоши и полез в кабину.

Выехав с территории завода, шофер повернул направо, на Московский проспект и еще раз направо, взяв курс на окраины. Первый гастроном, у которого они остановились, находился в Ахмедлах. Большой магазин с огромными витринами имел, с точки зрения грузчиков, существенный недостаток, склад находился в полуподвальном помещении.

— Так и знал, что сюда приедем, — сказал Керим, — у этого директора все схвачено, в первую очередь сюда везем.

Выбрались из кабины. Керим открыл задний борт и залез в кузов.

— Я буду подавать, а ты принимай, — сказал он, — потом поменяемся.

Специальной металлической кочергой он подцепил два проволочных ящика и подтащил к краю кузова. Ислам взялся двумя руками, примериваясь, затем повернулся, взгромоздил на спину и наклоняясь вперед под тяжестью груза, пошел, осторожно переступая ногами. Делая третью ходку, он **боялся**, что она окажется

последней, что сейчас ноги не выдержат, и он упадет вперед лицом, и будет погребен под ненавистными ящиками, но, тем не менее, под взглядами шофера, как ни странно, продолжал идти. Керим цеплял кочергой ящики, волок по обитому железом кузову и поджидал у края. Ислам подходил, поворачивался, брал ящики на спину и шел вперед. Тяжелее всего были три ступени, ведущие вниз в склад, на них ящики словно прибавляли в весе. Когда он в очередной раз подошел к машине, Керим спрыгнул и сказал:

— Теперь я, иди подавай.

Ислам перевел дух и с усилием взобрался в кузов.

Твое счастье, — сказал ему снизу Керим, — что водку дали, а не шампанское.

Я счастлив, — тяжело дыша, ответил Ислам.

Керим ухмыльнулся, словно играючи, схватил ящики и быстро пошел вперед. Когда он вернулся, Ислам, задумавшись, стоял на том же месте.

Эй, ты, заснул что ли? — окликнул его Керим.

Вздрогнув, Ислам схватил железную клюку и быстро подтащил к краю ящики. Керим двигался как робот, словно не зная усталости, только пыхтел, словно борец на ковре. Как у профессионала, у него имелась специальная войлочная накидка, которую он надел на спину.

Хватит, — крикнул шофер, отсчитав

положенное количество ящиков, — закрывай борт.

Когда отъехали от магазина, Керим вытащил из-за пазухи бутылку водки, и быстро сунул в матерчатую сумку, лежащую в ногах, это не укрылось от взгляда шофера.

— Ай, Керим, не делай да этого, — недовольно сказал он, — я же тебя просил, попадешься, стыда не оберемся.

Весь день они объезжали магазины, последней точкой оказался тарный склад в самом центре Баку, недалеко от кинотеатра имени Низами. Ислам таскал ящики с пустыми бутылками, из подвала, на глазах у праздной толпы, стыдясь своей работы, стараясь не смотреть по сторонам. В довершение нравственных мук, до его слуха донеслась фраза, которую в педагогических целях произнесла проходящая мимо женщина, обращаясь к своему сыну, она сказала: «Видишь, Рафик, этого мальчика, если не будешь хорошо учиться, будешь работать грузчиком, как он». Ислам таскал ящики мимо кабинета заведующего. Дверь была открыта, и оттуда истекал аромат дорогих американских сигарет. Сам завскладом, хорошо одетый мужчина средних лет, говорил по телефону. Время от времени он подходил к дверной щели и смотрел на грузчика, видимо для того, чтобы тот не вздумал вынести со склада что-нибудь лишнее; хотя на складе кроме пустой посуды ничего не было.

Вероятно, он делал это по привычке, натуру не переделаешь.

Получив заработанный червонец, Ислам простился с коллегами, дошел до Сабунчинского вокзала и сел на автобус, идущий в микрорайон Дарнагюль, где находилось общежитие. Через несколько остановок ему посчастливилось сесть, и он тут же задремал. Проспать остановку он не боялся, так как выходил на конечной. Так оно и вышло, его растолкал какой-то доброхот из пассажиров. Студенческий городок. Ислам вышел, не чужая ног под собой от усталости, побрел в ближайшую столовую. О мясной поджарке он мечтал весь день. Взял вожделенное блюдо и кружку пива, как взрослый, но от боли в ногах даже есть не смог, поковырял в тарелке, сожалея о напрасно потраченном рубле, поднялся, вышел из столовой, и едва передвигая ноги, пошел к себе в общежитие. Он едва не плакал от усталости. Добрался до своей комнаты и рухнул на койку. И будешь ты добывать хлеб в поте лица своего. Или, как там?

Виталик Маленький видел, как Ислам пошел в общагу, но не окликнул его. Точнее Ислам прошел мимо Виталика буквально в двух шагах, не заметив его. И это было Виталику на руку. Как бы

объяснил, что он делает на своем посту? Кого ждет, если Джульетта уехала с родителями на дачу. Про дачу он соврал в последний момент, видя, что события принимают нежелательный оборот. Треп это одно, а избить брата любимой девушки совсем другое. Не факт, что Джульетта поступит так же, как и ее тезка из пьесы Шекспира. Правда Ислам обещал не трогать Рубена, но как пойдет разговор предсказать никто не может. Армяне тоже горячий народ, похитрее, чем азербайджанцы, про себя любят говорить, мол, где армянин, там еврею делать нечего, но тоже горячий. Да и грузины тоже горячий народ. Причем здесь грузины? А при том, папа Виталика, по свидетельству мамы, тоже был грузином, то есть вспылить мог кто угодно. И как потом показываться ей на глаза, вернее с каким лицом показываться ей на глаза. А ведь дело на мази. В прошлый раз, на вопрос нравлюсь я тебе, она промолчала, хотя обычно отвечала, что нет. Можно испугнуть робкое чувство. Вот если бы наоборот, братуха с друзьями поймают его одного, (при этом Виталик поплевал через левое плечо), тогда бы да, это могло бы усилить ее чувство.

— Который час? — спросил Виталик у прохожего на чистейшем азербайджанском языке. Получив ответ, двинулся в сторону автобусной остановки, встречать. Вот, вот должна появиться, по субботам она ходит на курсы английского.

Солнце скрылось, это хорошо, если немного опоздает, можно будет постоять в вечерней тени соседнего с ее домом здания. Не доходя до остановки, Виталик остановился, и повернул обратно. Али и Виталик Большой, стояли у газетного киоска и веселились, окликая проходящих девушек. Виталик остановился в недосягаемости их взглядов и стал ждать.

Незадолго до этого друзья выпили по кружке пива и потому были слегка под кайфом. Увидев новую девушку, Али схватился за сердце, и застонал. На удивленный взгляд девушки Виталик ответил:

— Видишь, милая, что с ним сделала твоя красота. Он ранен в самое сердце.

Али добавил:

— Ахчи ес кес сиранум, цавоттанем¹⁴.

Девушка, едва сдерживая улыбку, ускорила шаг. Виталик, поглядев ей в след, неуверенно сказал.

— Слушай, кажется, эта та самая чувиха, которую Виталик клеит.

— Джульетта?

— Да.

Али одобрительно промычал, затем произнес:

¹⁴ Девушка, возьму твою боль. — арм.

— Ничего. Мне, как раз такие нравятся. Может у нее сестра есть.

— Насчет сестры не знаю, — насмешливо сказал Виталик, — но брат точно есть, не хочешь за братом приударить. А?

— А он, что педик?

— Откуда я знаю?

— А что болтаешь.

— Да просто пошутил, шутка юмора, ферштейн.

— Нет, после последней помывки в городской бане, в ту субботу, ни хт форштевень.

— Кто же тебя обидел в бане, сынок? — пробасил Виталик.

— Кто, кто, педики, кто же еще, помыться не дали козлы. Только шайку в руки возьмешь, какая-нибудь сука подкатывает, намыль спинку, сынок. Вроде неудобно дяде отказать, начинаешь намыливать, а он гад начинает за конец тебя хватать, еле отбился.

Едва удерживаясь от смеха, Виталик сказал.

— Ну что же ты, Али? «Уважил» бы дядю, ты же комсомолец.

— А при чем здесь комсомол, — удивился Али.

— Комсомолец должен уважать старших, — назидательно сказал Виталик.

— Ара, пошел ты, — рассвирепел Али, — сам

иди, своего дядю уважь.

— Но, но, — взвился Виталик, — я твоих родственников не трогаю.

Ссора нарастала, еще немного и друзья сошлись бы в боевом клинче, но тут мимо прошел милиционер, и напряжение спало. Некоторое время стояли молча, затем Али при виде двух девушек, идущих мимо них, запел гнусавым голосом:

Я встретил девушку,
полумесяцем бровь,
На щечке родинка, а
в глазах любовь,
Ах, эта девушка,
меня с ума свела,
Разбила сердце мне,
покой взяла.

Девушки прыснули и ускорили шаг.

— О-о, — оживился, толкая локтем приятеля, Виталик, — Меджнун, кажется, ты имеешь успех. Твоя девичья фамилия не Омар Шариф?

— Нет, — сказал довольный Али, — моя фамилия Ален Делон, мистер Дарнагюль. Прошу любить и жаловать.

Друзья снялись с места, и пошли за

девушками. Через несколько метров они поравнялись с небольшим стеклянным кафе, из которого шел одуряющий запах жарившихся шашлыков. Али тяжело вздохнул, и сказал:

— Когда-нибудь на этом месте я упаду в обморок.

— Ты что, голодный?

— Я всегда голодный.

— Ну, ты же всегда съедаешь порцию каши Ислама.

— Мне таких порций надо десять, к тому же запах бараньего шашлыка даже сытого человека может свести с ума.

— Старик, я вообще не понимаю, как ты можешь думать о еде, когда мы идем за девицами.

— Хорошо тебе говорить, ты у дяди шашлык каждую неделю лопаешь, а я раз в полгода, когда на каникулы езжу домой.

— Попрошу без зависти.

— Мог бы меня к дяде сводить.

— Я сам неловкость испытываю, когда к нему езжу, а ты хочешь, чтобы я тебя еще притащил.

— А что же едешь, раз неловко?

— Голод, брат, не тетка.

— Это верно, в твоём случае, голод дядька.

— Али, твоя какая, справа или слева, — спросил Виталик, желая сменить тему.

— Справа.

— Али ты кем будешь работать, когда училище закончишь, штукатуром?

— Это еще почему?

— Ну, ты же на штукатура учишься.

— Штукатуром я не буду, между нами говоря, отец меня сюда отправил, чтобы от лишнего рта избавиться, здесь и кормят и одевают целых три года, выгодно.

— Я знаю, кем ты будешь.

— Кем?

— Обрезания будешь детям делать, ты же лезгин.

— Ну и что?

— Этим только лезгины занимаются.

— Ладно, не возражаю, только я с тебя начну, прямо сейчас.

— Опоздал. Я уже мусульманин.

— Как это, у тебя же мама русская, почему она допустила?

— Из любви к папе, а он у меня азербайджанец, правда, когда мы с мамой ездили к бабушке в деревню, на Урал, меня там окрестили в церкви, но папа об этом не знает, мама просила не говорить. А ты знаешь, какая у них любовь была, я тебе не рассказывал? Они познакомились, когда папа в армии служил. Он сделал ей предложение и поехал на дембель, чтобы родителей подготовить. А ему запретили на ней жениться, потому что она

была христианка. Папа сообщил об этом маме, то есть тогда она еще не была мамой, и стал думать, что делать дальше. Пока он думал, мама выучила азербайджанский язык и написала письмо его родителям на азербайджанском языке, и этим сразила их наповал, они разрешили.

— Класс, — сказал Али, — Это круче, чем Шекспир. Так ты кто, все-таки мусульманин, или христианин?

— Мне до лампочки, я человек. Может, в кино девушек пригласим?

— А у тебя деньги есть?

— Нет, но они все равно откажутся.

Джюльетта узнала нелепую фигуру Виталия издали, несмотря на стремительные сумерки. Нелепую потому что он был худ до безобразия.

— Почему ты такой худой? — спросила она на второй или третий день знакомства, — как будто из концлагеря сбежал? Вас так плохо кормят в училище?

— Нас кормят нормально, не хуже, чем в других местах; дело не в еде, конституция такая.

— СССР или Азербайджана?

Девушка оказалась с юмором, но, взглянув ей в лицо, Виталик сообразил, что она не шутит.

— Да нет же, — озадаченно произнес он, — моя, собственная.

— У тебя, что же своя собственная конституция есть, — насмешливо спросила Джульетта.

— Да.

— Ну, молодец. Далеко пойдешь.

Поравнявшись с парнем, Джульетта сдвинула брови и, едва кивнула на приветствие, хотя ей было приятно, что он ждет ее каждый день. Держась немного поодаль, Виталик пошел за девушкой.

— Что ты здесь каждый день торчишь, прохода не даешь?

— Не даю, — согласился Виталик.

— Выходной бы себе устроил, что ли.

— Я без выходных работаю, — гордо ответил Виталик.

— Так это для тебя работа?

— Да, тяжелая и опасная.

— Почему это она опасная?

— Ну, во-первых, я могу погибнуть из-за твоих прекрасных глаз...

— Неужели?

— Да.

— А во-вторых?

— Во-вторых, твой брат обещал мне ноги переломать, если я еще раз за тобой пойду.

При этих словах Виталик стал ковылять и припадать на обе ноги, как колченогий.

Девушка засмеялась.

— Испугался?

— Еще чего, я ничего не боюсь.

— Ты, что с ним разговаривал?

— Черемисин сказал, он с твоим братом дружит, маленький такой.

— Знаю, видела.

— Давай постоим немного, — сказал Виталик, когда они подошли к ее дому.

— Это еще зачем? Кто-нибудь увидит еще.

— Поговорим. Я соскучился по тебе. Сейчас уже темно.

— Ну, ладно, пять минут, — Джульетта остановилась в тени, отбрасываемой домом.

— Ну, о чем ты хотел поговорить?

— Я хотел сказать тебе... Виталик замолчал и стал смотреть в сторону.

— Что? — с явным безразличием спросила Джульетта, она смотрела в другую сторону.

— Виталик подобрался и подошел поближе, от Джульетты пахло смешанным запахом помады, пудры и пота. Виталик почувствовал головокружение, и неожиданно для себя взял девушку за руку.

— Ты, что, с ума сошел, — испугалась Джульетта, — отпусти сейчас же.

— Извини, — утирая со лба испарину, произнес Виталик, — слабость вдруг накатила, чуть не упал.

— Слабость? — удивленно спросила девушка, она заглянула ему в лицо.

Несмотря на вечерний сумрак, она различила синий цвет его глаз. Скуластое лицо пыталось изобразить улыбку. Джульетта вдруг почувствовала острую жалость к этому нелепому парню и неожиданно для себя приблизила свое лицо и дотронулась губами до его губ, но то, что произошло дальше ввергло ее в смятение. Парень не отпустил ее губ, жадно приник к ним, разомкнув сжатый рот, дотронулся своим языком до ее десен. Это ощущение было острым и ошеломительным. Теперь она почувствовала слабость и вынуждена была схватиться за молодого человека, который, прижав ее к себе со всей силой, на которую был только способен, жадно целовал ее запрокинутое лицо.

— Отпусти, умоляю, отпусти, — совладав с собой, жалобно зашептала она, пытаясь вырваться из его объятий.

Наконец ей удалось оттолкнуть его и сделать шаг назад.

— Безумный, ты, что с цепи сорвался, — тяжело дыша, произнесла она, — не смей подходить ко мне.

Виталик, собравшийся сделать шаг к ней, остановился, он смотрел на нее не отрываясь.

— Вот и стой там, а ко мне не подходи.

— Хорошо, я буду стоять здесь, только я не думал, что ты такая жестокая.

— Я вовсе не жестокая, а, что ты хотел сказать мне?

— Когда?

— До того, как ты на меня накинулся.

— Я хотел сказать, что я люблю тебя.

— Ой, какой ужас, — произнесла девушка, взявшись за грудь, — сердце сейчас разорвется, бьется, как сумасшедшее.

— Можно я послушаю, — сказал Виталик, протягивая руку.

— Размечтался, убери руки.

— Уже убрал. Стою, не двигаясь.

Виталик вытянулся, как в строю, ноги вместе, руки по швам.

— Хочешь, до утра так стоять буду. Простишь меня?

— Ладно, прощаю, только не делай больше так.

— Вольно, — скомандовал сам себе Виталик.

— Джульетта улыбнулась.

— Твой отец был военный, — спросила она?

— Понятия не имею, он «свинтил» еще до моего рождения.

— Жаль.

— Виталик пожал плечами.

— Нормально, я же вырос.

— Ну не скажи, еще не известно, как это отразилось на твоей психике, — серьезно сказала Джульетта.

— Подумаешь, у нас в общаге каждый второй без отца рос. У Ислама, например, моего друга, тоже отец «свинтил».

— Какое опасное соседство, — сказала Джульетта.

— Шутишь?

— Нисколько, мой папа говорит, что австрийский психоаналитик Фрейд утверждал, что это не проходит бесследно для формирующейся личности.

— У этого Фрейда у самого, наверное, не все дома были, поэтому он так и утверждал.

— Ну ладно, я пойду, — сказала Джульетта.

— Давай еще поцелуемся, — предложил Виталик.

— Нет.

— Тогда руку дай.

— Зачем, — подозрительно спросила Джульетта.

— Ну, так, пожать на прощание.

Девушка с опаской протянула ему руку.

Только не сильно жми.

Он взял ее руку и прижал к лицу. Затем смотрел, как она уходит, до тех пор, пока девушка не повернула за угол дома, вздохнул, и пошел к

себе в общежитие. Радость первого поцелуя была отравлена неприятными мыслями, он не представлял, как вести себя с друзьями. Отказаться участвовать в затее Ислама, значило выставить себя на посмешище. Принесла же нелегкая Черемисина в тот вечер, будь он не ладен. У общежития политехникума стояли двое парней и, запрокинув головы, заигрывали с девицами, стоявшими на балконе третьего этажа. Виталик шел, оставляя их слева. Справа лежал пустырь, боковым зрением он отметил, что молодые люди бросили свое занятие и стали смотреть на него. В наступившей темноте, разглядеть их лица не предоставлялось возможности, в то же время, как сам он, проходя как раз под светом фонаря, был доступен их взорам.

— А вот и наш Ромео, — услышал он голос Виталика Большого. Следом пробасил Али, — Ромео, где твоя Джульетта?

И снова голос Виталика: «Разве я сторож Джульетте моей».

— Эй, вы, — сказал им Виталик Маленький, — уймите свою прыть, а не то я вас уйму.

Друзья подошли ближе, он стоял, сжав кулаки.

— Смотри-ка, маленький, а какой дерзкий, — отметил Али.

— Слушай, видели мы сегодня твою

армянскую Джули, — сказал Виталик большой, — ты знаешь, а она ничего.

Неуклюжий комплимент обезоружил влюбленного. Прилагая усилия, чтобы не улыбнуться, он спросил, — где видели?

— Мимо нас прошла, Али на нее так засмотрелся, что чуть не упал.

— Это верно, — подтвердил Али, — теперь мое сердце разбито, не знаю, как жить дальше буду. Я не могу мешать счастью друга. Но если ты будешь настолько благороден, что позволишь мне открыть ей свое сердце, ты будешь настоящим другом. Пусть она сама выберет из нас того, кто ей больше нравится.

— Поздно, — обронил Виталик Маленький, — я с ней только что целовался.

— Иди врать, — недоверчиво сказал Виталик Большой.

— Чтоб ты умер, если я вру, — поклялся Виталик Маленький, — у меня даже помада на губах, наверное, осталась.

— Али подошел ближе и, повернув лицо Виталика к свету, стал исследовать губы, потом даже понюхал.

— Похоже, — наконец сказал он и завистливо добавил, — везет же некоторым. Вот не понимаю, что она в нем нашла.

Али пошел рядом с Виталиком Маленьким, то

и дело, поглядывая на него.

— Эй, — окликнул его Виталик Большой, не двигаясь с места — ты куда?

— Как куда в общагу, — ответил Али.

— А девушки, как же? — возмутился Виталик Большой.

— В ответ Али пропел:

— Ну а девушки, а девушки потом.

— Он еще удивляется, почему его девушки не любят, — заметил Виталик Большой, и поплелся за друзьями, — девушки любят постоянство в мужчинах, они ценят верность, целеустремленность, ум, искрометный юмор. Еще немного и они бы вышли. Ромео, между прочим, свою месяц обхаживал.

Ислам проснулся в первом часу ночи и как не пытался, не смог больше заснуть, ворочался с бока на бок, немилосердно скрепя пружинами кровати. От давешней боли в ногах осталось тупое ноющее воспоминание. Поняв, что заснуть не удастся, он оделся и тихой сомнамбулой, на ватных ногах вышел на улицу. Проходя мимо застекленной комнаты дежурной по общежитию, с удивлением обнаружил там Али, оживленно жестикулируя, он что-то рассказывал Эльзе, видимо что-то неприличное, вахтерша жеманно смеялась и махала на него рукой. Узрев товарища, Али заговорщицки

подмигнул ему, но рассказ свой не прервал. Ислам вышел на крыльцо и вздохнул полной грудью ночной воздух, ветер был со стороны нефтепромыслов (в Баку с любой стороны нефтепромыслы), поэтому отдавал мазутом, несмотря на это, вдохнул воздух с наслаждением, после спертой атмосферы общежития любой воздух для него был хорош. Ислам вырос на море, в городе, лежащем на равнине, между Каспийским морем и Талышскими горами, и долго не мог привыкнуть к специфическому Бакинскому воздуху, отдающему нефтью. Он постоял немного на крыльце, глядя на ночной город. Повсюду мерцали и переливались огни. Где-то вдали полыхал огромный факел, озаряя неровным светом полнеба. Он постоял так около получаса и вернулся в комнату.

В отличие от Ислама, Виталику часом позже удалось проскользнуть мимо Али незамеченным, для этого ему пришлось опуститься на корточки и таким образом проследовать мимо окон комнаты дежурной, где Али речитативом произносил слова Низами обращенные к зевающей Эльзе.

Ворвался в

Хузистан¹⁵ в неистовстве
ходжа

Лобзаний табарзад¹⁶
похитил он дрожа
И вот уже слились
два розовые стана
И две души слились,
как розы Гюлистана¹⁷.

На светящемся циферблате наручных часов, подаренных Виталику мамой на шестнадцатилетие, был час ночи. Несколько секунд он постоял на крыльце в нерешительности, на том же месте, где недавно стоял Ислам, вдыхая ночной воздух, затем легко сбежал со ступеней и перемахнул через забор. Пересечь пустырь, было делом нескольких минут. Окна Джульетты были на третьем этаже. Виталик встал под ее окнами так, чтобы на него падал свет фонаря.

Он заснул в мечтах о девушке и, засыпая,

¹⁵ Хузистан — страна сладостей.

¹⁶ Табарзад — сладкий леденец.

¹⁷ Гюлистан — цветник.

успел подумать о том, что поскольку вся семья на даче, то выходит, что Джульетта дома одна. И во сне он, видимо, продолжал думать об этом, потому что именно эта мысль разбудила его среди ночи, и погнала под окна возлюбленной. Чистейшее безумие. Он простоял примерно час, прежде чем его желание разбудило Джульетту. Скрипнула оконная створка, и на балконе показалась изумленная девушка, узнав Виталика, она приложила указательный палец к виску и покрутила им. Юноша улыбнулся и направился к телефонной будке, находящейся неподалеку.

— Привет Джули, — сказал радостно в телефонную трубку, — извини, я тебя разбудил, так хотел тебя увидеть, что проснулся, очень соскучился.

— Ты с ума сошел, — шепотом произнесла девушка, — немедленно уходи.

— Почему ты шепотом говоришь, — спросил Виталик, — ты же одна, или нет?

— Одна, — шепотом сказала Джульетта, — и повторила нормальным голосом, — одна.

— Можно я зайду к тебе, — спросил Виталик и затаил дыхание.

— Зачем?

— Просто, побыть с тобой, можешь чаем меня угостить.

— Ты чай не пил вечером?

— Пил, из жженого сахара.

— Не дави на жалость.

— Я не давлю, это вчера было, а сейчас уже
новый день.

— Нет, — решительно сказала Джульетта.

— Почему?

— Это неприлично.

— Но ты же одна.

— Тем более, а если кто-нибудь увидит, мне
тогда конец. Уходи.

— Буду стоять здесь до утра.

— Ну и стой себе на здоровье, а я пошла
спать.

Джульетта положила трубку, взяла аппарат и
пошла в свою комнату, положила его на пол возле
кровати и легла. Сказала себе, — «не надо было
целоваться с ним, сейчас позвонит.» Не успела
договорить, как раздался звонок.

— Алло.

— Да.

— Я тебя люблю.

— Нет.

— Что нет, ты не веришь, что я люблю тебя?

— Верю.

— Но ты же говоришь, нет.

— Нет, чтобы ты сюда пришел, иди спать.

— Утром, как проснешься, посмотри в окно.

Спокойной ночи.

Джульетта положила трубку, и закрыла глаза. В течении получаса она пыталась заснуть, затем поднялась и подошла к окну. Виталик стоял под фонарем, засунув руки в карманы, и подняв плечи, ежась от ночной свежести. Джульетту он заметил тотчас, радостно улыбнулся.

Ненормальный, — ласково и тихо сказала девушка и поманила его.

Юноша неторопливо направился к подъезду. Джульетта прошла в прихожую, посмотрела в глазок; на лестничной клетке было тихо; медленно, стараясь не щелкнуть, она повернула ребристый цилиндрок английского замка, и стала ждать. Сердце колотилось так, что девушка приложила руку к груди, чтобы унять его. Виталик поднялся бесшумно, но Джульетта, заглянув в глазок, успела открыть дверь, и затащить юношу, прежде чем он нажал на кнопку звонка.

В прихожей было тесно и пахло старой одеждой. Они стояли вплотную друг к другу. Джульетта продолжала держать его за руку.

— Ну, что дальше? — спросила девушка.

— Не знаю.

— Кажется, ты хотел чаю.

— Чаю, нет, то есть да, — сказал Виталик и обнял ее.

— Какой чай? — зашептал он, — неужели ты думаешь, что я при тебе могу пить чай.

— Я порчу тебе аппетит? — спросила девушка.

— Да, вернее я забываю о еде, когда держу тебя в объятиях.

— А ты отпусти меня, — лукаво произнесла Джульетта.

— Лучше я останусь без чая, — самоотверженно сказал Виталик, сжимая девушку.

— Отпусти, мне уже дышать нечем, откуда у тебя столько силы, вроде такой заморыш.

— Кто заморыш?

— Я хотела сказать худой, то есть очень стройный.

— Пощупай мои бицепсы, — отпуская девушку, подставляя согнутую руку, сказал парень.

— Ого, — воскликнула девушка, — как камень, а это точно рука, а то я в темноте не вижу.

— Что я могу еще подставить?

— Ногу или голову, — насмешливо сказала Джульетта.

— Нога у меня еще тверже, — ничуть не обидевшись, гордо сказал Виталик.

— Может быть, пройдем в комнату, или так и будем торчать в прихожей? — спросила Джульетта.

— Пойдем.

— Так отпусти меня.

Виталик разжал руки и пошел за девушкой в темноту комнаты.

— Ты точно ничего не хочешь?

— Хочу, тебя.

— А по губам?

— Лучше в губы.

— Я имею в виду чай, или покушать.

— Нет.

— Тогда садись сюда на стул, а я лягу.

— Джульетта легла на диван, где пыталась уснуть до этого, и потянула на себя плед.

— Ты всегда здесь спишь? — спросил Виталик.

— Нет, я смотрела телевизор перед сном, лень было перебираться в свою комнату.

— Она лежала на боку, положив, голову на подушку, и смотрела на юношу одним глазом.

— Может, телевизор включим?

— Зачем, на рамку смотреть, сейчас нет передач.

— А можно свет включить, я не вижу твое лицо?

— Включи торшер.

— Хорошо, — сказал Виталик, не двигаясь с места.

— Ну, что же ты, включай.

— Я передумал, в темноте лучше.

— Даже и не думай, — помолчав, произнесла девушка.

— Я разве, что сказал?

— Я и так знаю, что у тебя на уме.

— Ты ошибаешься, у меня в мыслях этого нет.

— Вот как, это что же, я тебе не нравлюсь?

— Пойми вас женщин после этого, конечно, нравишься, но я ничего не сделаю против твоего желания.

— Ну, тогда сиди спокойно, а я посплю немного, не возражаешь? И, между прочим, я девушка, а не женщина.

— Извини. Я об этом всю жизнь мечтал, сидеть рядом со спящей любимой девушкой.

— Очень хорошо, — сказала Джульетта и закрыла глаза.

Виталик глубоко вздохнул и огляделся. Сумрак комнаты был разбавлен светом ночных фонарей, проникавших с улицы. Комната была вся уставлена мебелью, — диван с двумя креслами, «стенка», стол со стульями в центре комнаты, телевизор и от этого казалась еще меньше, чем была на самом деле. Над дверью висели часы. Виталик некоторое время наблюдал за ходом минутной стрелки, затем вздохнул, и перевел взгляд на спящую красавицу.

— Отчего ты так тяжело вздыхаешь? — спросила спящая красавица.

— От любви, — подумав, сообразил Виталик.

— Долго думал, наверно, еще есть варианты.

— Да нет, просто хочу рядом с тобой сесть.